

Александр Сухов
Магическое братство

«ЭКСМО»

2008

Сухов А. Е.

Магическое братство / А. Е. Сухов — «Эксмо», 2008

Обращаться за помощью к преисподней, даже если жаждешь вечной молодости, – опасная затея. Не рассчитав своих сил в обращении с потусторонним, чародей Моргелан расстался с жизнью, а его ученик Гвенлин, спасаясь от карающей десницы Гильдии Магов, покинул родные края. Верными спутниками Генвелина невероятных странствиях стали демон, отсидевший немалый срок в лагерях Колымы где-то в чужих мирах, и Мандрагор – магическое существо, созданное из корня одноименного растения. Эта магическая компания на пути к намеченной цели – руке прекрасной принцессы – совершила немало безумных подвигов, выручая попавших в беду обитателей мира Тев-Хат, а еще чаще – самих себя...

© Сухов А. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Сухов

Магическое братство

Глава 1

– Гвен, чума на твою тупую голову! Где тебя вечно носит? Забыл, что к восходу Полночной звезды все должно быть готово?

Старый Моргелан, как обычно не без помощи своих магических штучек, сумел незамеченным подкрасться к развалившемуся на речном берегу размечтавшемуся Гвенлину и больно прихватить парнишку своими длинными узловатыми пальцами за оттопыренное ухо. Со стороны было забавно наблюдать, как сухонький старичок, вовсе не богатырского телосложения и росту от горшка два вершка, смертельной хваткой матерого волка вцепился в многотрадальное ухо здоровенного детины – кося сажень в плечах. Вместо того чтобы легким щелчком расправиться с обидчиком, юноша безропотно стоял на коленях, как и положено прилежному ученику чародея, и, преодолевая боль, терпеливо выслушивал нравоучения своего грозного патрона.

– Тебя кормят, поят, неблагодарный мальчишка, учитель днями и ночами не спит – все думает: как бы из такого тупого бревна человека сделать! Тебя за чем послали? Признавайся, чем это ты почти целый день занимался? Где ингредиенты?

– Все как вы велели, учитель, – не растерялся Гвен. – Эти, как их, ингредиенты по вашему списку собирал. Все вроде бы нашел, осталось лишь цветков желтой кувшинки нарвать десяток шт, вот я и собирался в воду лезть, а тут вы ни за что ни про что в ухо вцепились...

– Не шт, а штук, дубинушка стоеросовая, – сердито поправил ученика колдун, но гнев на милость все-таки сменил и распухшее ухо ученика оставил в покое. – Дуй в воду, а я пока проверю, все ли ты правильно сделал.

С этими словами старик развязал тесемки объемистого кожаного мешка, валявшегося тут же на песочке, и начал внимательно изучать его содержимое, сопровождая свои действия негромкими комментариями:

– Ага, жабы – три. Шкура гадюки – отлично. Чаги маловато, а впрочем, хватит. Мухоморчик – что надо...

Пока учитель был занят делом, ученик, сняв штаны и рубаху, сплавал к другому берегу реки и надергал требуемое количество ядовито-желтых цветков кубышки, или по-простому – речной кувшинки, вместе с мясистыми хрупкими стеблями, длиной никак не менее полутора аршин каждый. Вернувшись к своему берегу, он еще немного посидел в воде, охлаждая пострадавшее ухо. Затем, не дожидаясь, когда мастер Моргелан вновь рассердится, выскочил из реки, шустро оделся, упаковал свою добычу и, взвалив мешок с трофеями на плечо, тронулся вслед за рванувшим вперед чародеем.

Пока учитель и ученик бодрым шагом направляются в сторону берлоги старого Моргелана, нам следует немного познакомиться с этой забавной парочкой. Согласно противоречивым данным, чародей обосновался в этих местах лет сто, а может быть, и все сто пятьдесят тому как – никто точно и не помнит, поскольку живых свидетелей этого славного для городишка Чумазова Людь события, как вы сами прекрасно понимаете, не осталось. «Почему данное событие можно расценивать как славное?» – спросите вы. А потому что до прибытия колдуна население Чумазовой Люди от мала до велика, при всяком достойном внимании недомогании, вынуждено было обращаться за медицинской помощью к магу, живущему в соседнем городишке с претенциозным и даже оскорбительным для гордых чумазовцев названием – Чистова Людь. А это без малого двадцать верст. Теперь судите сами, какую выгоду поимели

аборигены в лице чародея пенсионного возраста, решившего по какой-то ведомой одному ему причине поселиться в уютной лесной пещерке на берегу чистой речушки с оптимистическим названием Радостная. С тех самых пор местные зажили по-человечески – отпала надобность при малейшем подозрении на аппендицит, стоматит или какую другую хворь запрягать телегу и, невзирая на капризы погоды, тащиться пару десятков верст. Никто из чумазовцев уже и не помнил точную дату появления в здешних местах всеобщего спасителя, но народная молва из уст в уста, из поколения в поколение не устаёт расписывать в самых мрачных красках невеселое житье-бытьё той поры. Ныне все по-другому: зуб ли заболит, в ушах ли засвербит, понос ли прошибет или какой любвеобильный муж привезет из деловой поездки радостное воспоминание о кратковременном знакомстве с разбитной попутчицей и для полноты счастья наградит им собственную благоверную – все спешат к доброму дедушке Моргелану. За скромное вознаграждение по обоюдной договоренности со страждущим либо в денежном, либо в натуральном выражении чародей изгонит из вашего тела всяк вредоносный микроб, иже с ним и зловредного духа, коли таковой пожелает затаяться в недрах плоти больного. Он также за чисто символическую сумму снимет с вас все побочные явления, связанные с наведением вредных чар, заклятий и сглаза. Особую нелюбовь Моргелан питает к разного рода нечисти, имеющей привычку безо всякого на то соизволения вселяться в дома мирного населения. Уж здесь-то он не церемонится, действует жестко и эффективно. Бесы, навьи, призраки, полтергейсты всех мастей при одном лишь приближении грозного старца торопятся освободить помещение еще до того, как тот приступит к самой процедуре изгнания. В дождливые годы чародей, исключительно ради собственного удовольствия и с пользой для окрестных тружеников села, время от времени отменяет осадки, а в засуху, наоборот, одаряет благодатным дождичком.

Куда ни кинь, от соседства с чародеем чумазовцам выходила одна лишь польза. Казалось бы, живи да радуйся и не забивай башку разной ерундой. Однако дух противоречия, свойственный всякому мыслящему представителю рода людского, время от времени смущал головы некоторых особо продвинутых граждан Чумазовой Люди. Да и как не задаться вопросом: «По какой эдакой причине иерарх уровня архимага, место которому уж никак не меньше чем при блистательном дворе Государя Императора, какого-нибудь короля или на худой конец сиятельного герцога, обосновался в дикой глухомани, из коей за все сто или сто пятьдесят лет он ни разу не отлучался далее чем на десяток верст?» По этому поводу в народе бродили всякие слухи и домыслы. Поговаривали, что причиной добровольного затворничества Моргелана послужила ссора мага с кем-то из сильных мира сего, возможно, даже с самим Государем Императором Великой Поднебесной – самого могучего государства западной окраины мира Тев-Хат. Среди женской части населения пользовалась популярностью версия о несчастной любви старца к молоденькой, но жестокосердной аристократке из ближайшего окружения монарха. Особо рьяные представительницы противоположного пола осмеливались утверждать, что это была сама дочь Его Императорского Величества. Как бы то ни было, а загадочная персона Моргелана своим существованием являлась, образно выражаясь, плодородной почвой для произрастания различных досужих вымыслов и сплетен. Однако за все прошедшие годы никто даже близко не смог подобраться к разгадке настоящей тайны чародея.

А дело всего-то заключалось в том, что колдун страстно и самозабвенно хотел жить, и не просто жить в старом и дряхлом теле, он мечтал заполучить вечную молодость и красоту, а вместе с ними физическое и душевное здоровье. С самых ранних лет Моргелан был полностью увлечен магией и поистратил на изучение колдовских премудростей всю свою молодость и зрелые годы, так и не вкусив тех безумств, коими они осыпают каждого желающего. Поначалу он мечтал о счастье для всех – о том даре, который он когда-нибудь щедрой рукой преподнесет благодарному человечеству. С возрастом он понял, что всеобщее счастье – вещь иллюзорная и недостижимая даже теоретически. Осознав эту простую истину, амбициозный колдун крепко призадумался. А размышлял он над одним-единственным вопросом: для чего так бездарно

потерял лучшие годы жизни и что теперь с этим делать. По большому счету, Моргелан, как один из Великих Магов, уже достиг фактического бессмертия. Однако что такое бессмертие в теле семидесятилетнего старца и кому оно нужно?

Оставив непыльную, но достаточно суетную должность штатного мага при дворе одного из могущественных монархов, Моргелан удалился от мирской суеты в пустынь и обосновался вблизи небольшого городишки Чумазова Людъ. Он ни в коей мере не собирался посвятить остаток жизни служению одному из богов, дабы праведным примером вдохновить следующие поколения магов на подвижничество. Уход из блистательного света пусть еще и не дряхлого, но старика предполагал искрометное возвращение его в образе молодого сильного юноши. Да-да, наш мечтатель решил воплотить в жизнь идею фикс всех престарелых чародеев – наконец-то найти пресловутую формулу омолаживающего эликсира.

Первые полсотни лет вроде бы все шло на лад. Практически каждый божий день радовал энтузиаста каким-нибудь успехом. Сначала ему удалось оживить протухшую мышь и дать ей целых десять лет активной, здоровой, а главное – репродуктивной жизни до тех пор, пока какая-то бездомная кошка, забредя случайно в пещеру, не поставила жирную кровавую кляксу в конце многообещающего эксперимента. Далее в ход пошли кролики, собаки, козы, лошади и прочая живность хозяйственного назначения. Словами не описать радость окрестных жителей, когда вместо клячи-доходяги или паршивой овцы заботами отшельника в их хозяйство возвращалось полноценное животное, способное не только ржать, мычать, блеять и лаять, но плодиться пуще прежнего – с утроенной, учетверенной активностью. Справедливости ради нужно упомянуть и о том, что кое-кто из местных не только заприметил эту впечатляющую особенность животных, но и сделал из этого факта определенные выводы. Эти сметливые индивидуумы и стали в конце концов добровольцами в геронтологических изысканиях уважаемого Моргелана. Вот здесь-то его и поджидала великая засада.

Дело в том, что вернуть молодость человеку не представляло ни малейшего труда, но при одном условии: индивидуум не должен быть старше шестидесяти пяти лет от роду, точнее, его биологический возраст не должен превышать этого срока. Все старания мага обойти столь несправедливое возрастное ограничение, наложенное природой, не увенчались успехом. Этот факт автоматически означал, что нашему славному колдуну не видать вечной молодости, как собственных ушей.

В отчаянии Моргелан вознамерился наложить на себя руки. Однако совершить акт банального суицида при помощи веревочной петли, яда или остро отточенного клинка ему не позволила профессиональная гордость, и он с головой зарылся в кучу старинных фолиантов с целью изыскания для себя самой экзотической смерти, дабы коллеги по цеху дружно сдохли от зависти. Примеряя на себя различные способы сведения счетов с жизнью, наш чародей неожиданно наткнулся на небольшую статейку в одном из многочисленных справочников по магии, который до поры до времени безо всякой пользы пылился на книжной полке в дальнем конце пещеры. В ней кратко упоминался случай, произошедший в давние времена с одним из Великих Магов весьма преклонного возраста. Тому удалось вызвать из Преисподней самого Аданаизио – демона, способного управлять временными потоками. Сковав его специальными заклинаниями, под страхом полного развоплощения старец заставил исчадие ада помочь ему обойти возрастной ценз и получить вечную юность. Ознакомившись со статейкой, Моргелан громко воскликнул: «Арахаар!» – что означает на тайном корпоративном языке магов Полуденных пустошей радостное «Нашел», и тут же отложил поиски способа свести счеты с жизнью на неопределенный срок. К сожалению, в справочнике не приводилась полная формула вызова потустороннего существа, но это ничуть не повлияло на оптимистический настрой нашего исследователя. В распоряжении Моргелана имелось истинное имя демона, а самое главное – достаточный запас времени для того, чтобы организовать соответствующие изыскания в области прикладной демонологии. Вполне возможно, обнаружив подробное описание

вызова Аданаизио, чародей очень здорово огорчился бы, ибо не привык шагать по жизни широкими проторенными трактами. Путь к сияющим вершинам истины, по его глубокому убеждению, должен пролегать через скалистые уступы опаснейших экспериментов, крутые перевалы необъяснимых на первый взгляд парадоксов, скользкие ледники умозрительных построений и безудержные лавины ярких, будто слепящий горный снег, озарений. С энтузиазмом пылкого юноши кинулся Моргелан на поиски заветной формулы. Этому занятию он фактически посвятил все свое свободное время.

Что такое понятие времени для человека, по-настоящему увлеченного каким-либо делом? Проблеск молнии, падение листочка с дерева, звук спускаемой тетивы или шорох летящей стрелы – вот оно есть, и вот его уже нет. Так и для нашего чародея целый век показался краткой вспышкой небесного огня на черном фоне ночного неба. Где сама молния – время, посвященное собственно поискам, а черное небо – та бездарно потерянная часть его, коей пришлось пожертвовать для обеспечения своей телесной оболочке сносного существования.

Лет пятнадцать назад мимо Чумазовой Люди проезжал шумный цыганский табор. И надо же такой беде случиться – занедужилось барону, очень сильно занедужилось. Поначалу решили – переел, а значит, само пройдет, как это обычно бывает у представителей кочевого племени. Через сутки больному стало совсем худо, и по совету сердобольных чумазовцев его решили все-таки показать лесному колдуну. Произвести резекцию брюшной полости, удалить загноившийся аппендикс и снова зарастить шов для Моргелана было парой пустяков. Труднее оказалось отвязаться от благодарного цыгана после того, как лекарь имел глупость продемонстрировать своему бывшему пациенту наполненный гноем мешочек и живописать в самых ярких красках, что могло случиться, если бы мужичка доставили на пару часов позже. Счастливым до безумия бородач не успокоился, пока не отвалил ошарашенному спасителю целую гору скобяных, крепежных и прочих изделий кузнечного производства, а в качестве бесплатного довеска посадил поверх железной горы чумазого пацана лет пяти-шести. Отблагодарив подобным образом чародея, он тут же исчез, словно растворился в воздухе, чем немало удивил старика, способного вытворять и не такие фокусы, но никак не ожидавшего ничего подобного от обыкновенного бродяги.

Железо за полцены Моргелан очень быстро сплавил одному чумазовскому перекупщику. Мальчишку хотел было также сбавить в какую-нибудь бездетную семью, но, пораскинув мозгами, решил оставить его при себе, дабы приобщить со временем к тайнам магического искусства, да и помощник по хозяйству при беспросветной занятости мага вовсе не был лишним.

После жестокой пытки, с применением самых изощренных методов в виде едкого мыла и грубой мочалки, именуемой чародеем «водными процедурами», выяснилось, что мальчик никакого отношения к цыганскому племени не имеет. Был он белокур, светлокож и сероглаз. Каким образом он оказался в таборе, теперь навсегда останется тайной. Хотя догадаться, по большому счету, не представляет никакого труда. Скорее всего, мальчика еще в младенческом возрасте походя прихватили с собой пронырливые цыгане, когда проезжали мимо какой-нибудь деревеньки или городка.

Как оказалось, Гвенлин (именно так именовался этот подарок судьбы) имел неплохой природный магический потенциал, что, в общем-то, и оказало основное влияние на решение чародея оставить чадо при себе. Несмотря на многообещающие скрытые таланты своего воспитанника, старый хмырь вовсе не торопился заняться их пробуждением и дальнейшим развитием. Зато он с большой охотой переключал на хрупкие плечи малыша всю тяжелую работу, как то: воды натаскать, дров нарубить, в пещере прибраться, приготовить еду и прочее, прочее. При этом Моргелан не упускал самого малого повода поворчать на «бездельника» или «приласкать» по-отечески первым, что под руку подвернется. Несмотря на все тяготы совместного проживания под одной крышей со сварливым чародеем, жизнь на свежем воздухе в лесу казалась мальчику райской по сравнению с убогим существованием в таборе, где подзатыльников и

затрещин на его долю каждый день приходилось раз в пять больше, а еды ровно во столько же меньше. Да и что такое шлепок старческой ладони в сравнении с обжигающим ударом цыганской плети – мелкое недоразумение: плюнуть и забыть.

Парнишка оказался смекалистым и достаточно шустрым. Хоть наставник и не собирался в ближайшее время приобщать его к тайным знаниям, грамоте все-таки обучил. С тех самых пор Гвен пристрастился к чтению, благо огромная библиотека колдуна была в полном его распоряжении. Помимо мудрых, но скучных книг научного содержания там было множество из того, что Моргелан называл макулатурой. С которой, однако, почему-то не торопился расстаться. Именно эта «макулатура» и привлекла пристальное внимание не умудренного жизненным опытом паренька. Рыцарские романы, повествования о головокружительных похождениях магов, любовные приключения – это и многое другое в том же роде явилось питательной средой для развития буйной фантазии ребенка. Лет пять тому назад Гвенлин производил инвентаризацию в одном из дальних ответвлений пещеры колдуна и среди всякого ненужного хлама наткнулся на истинное сокровище: старый ржавый меч в потертых ножнах, драгую во многих местах, но еще вполне приличную кольчугу и тяжеленный кованый шлем. Ценная находка оказалась пределом мечтаний его романтической натуры. Теперь, вооружившись тяжеленной железякой и руководством для начинающего мечника, которое он обнаружил еще раньше среди прочей «макулатуры», всякую свободную минутку Гвен использовал для освоения мудреных фехтовальных приемов, которые (по его глубокому убеждению) рано или поздно обязательно ему пригодятся.

Мудрые люди говорят: «Скоро сказка сказывается...» Опустим покамест, что там следует дальше насчет нескорого делопроизводства всякого дела (уф!.. эко завернул). А еще мудрые люди утверждают, что путь, пройденный вдвоем, как бы это ни было парадоксально, в два раза короче того же самого пути, но пройденного в одиночку. Так и случилось, пятнадцать лет для обитателей лесной пещеры пролетели незаметно. Моргелан большую часть времени был занят своими изысканиями, Гвен, если не занимался хозяйственными делами, бродил по окрестностям, с упоением читал всякую романтическую белиберду или старательно при полном боевом облачении постигал искусство владения мечом. Столь тихая спокойная жизнь могла бы продолжаться и дальше, однако упорные труды чародея на поприще исследований в областях высшей демонологии и магии межпространственного вызова наконец-то увенчались сокрушительной победой пытливого человеческого разума над непроницаемыми покровами, скрывающими от глаз обыкновенного смертного ответы на самые загадочные тайны мироздания.

Воскликнув второй раз за последние сто лет «Арахаар!», не по летам раздухарившийся колдун хлопнул чарку крепкого вина, затем, не стесняясь присутствия в пещере питомца, спел разухабистую песенку сомнительного содержания, состоящую в основном из замысловатого набора непечатных слов, и в завершение старательно изобразил некое подобие танца. Как было отмечено немногочисленными зрителями, во время своего эстрадно-циркового номера Моргелан был здорово похож на обыкновенного козла: во-первых, противным блеющим голосом, а во-вторых, потешными ужимками и прыжками, свойственными лишь парнокопытным тварям семейства полорогих. К счастью для тех же зрителей, им хватило ума не ставить в известность учителя о своих наблюдениях и выводах, в противном случае очередной черенок метлы мог бы пострадать, сломавшись о шею одного чересчур наблюдательного юноши.

Наконец чародей окончательно пришел в себя. Вооружившись аккуратно отточенным гусиным пером, Моргелан принялся с пижонской тщательностью выводить буквы на листе пергамента, а особенно выписывать всяческие завитушки и вензеля. Вскоре список необходимых ингредиентов был составлен и вручен в руки исполнительному Гвену. Вооружившись списком и заплечным мешком, с восходом солнца молодому человеку предстояло отправиться шерстить окрестности, чтобы к вечеру, еще до захода солнца, доставить трофеи своему учи-

телю. Чем закончился этот его поход, мы с вами уже знаем, поэтому, не медля ни минуты, вернемся к нашим героям.

Дневное светило уже касалось верхушек деревьев, когда Моргелан и Гвенлин вернулись домой. Волшебник, подхватив мешок с добычей, направился к своему рабочему столу, указав предварительно ученику на выход из пещеры.

– Хватай что-нибудь перекусить и бегом на поляну! Твоему учителю необходимо сосредоточиться.

Парнишка не заставил себя долго упрашивать – наблюдать за тем, как чародей будет разделять лягушек и одновременно вкушать пищу, согласиться, занятая, мягко сказать, мало совместимые. Пока Гвен справлялся с целой тушкой копченой курицы и слегка зачерствевшей лепешкой приличных размеров, запивая это изобилие ядреным домашним кваском из прихваченного вместе с едой объемистого кувшинчика, солнце успело юркнуть за горизонт, и на безоблачном небе яркими факелами вспыхнули звезды. По причине некоторых специфических особенностей мира Тев-Хат, а именно из-за того, что у планеты полностью отсутствовал наклон оси вращения, продолжительность светового дня составляет здесь ровно половину суток, как на экваторе, так и в приполярных широтах. Поэтому столь быстрое исчезновение солнечного диска с небосвода тут никого не удивляет. Другое дело звезды. Ими, сколько ни любуйся, налюбоваться невозможно. Казалось бы, что такого удивительного может быть в мерцающих на черном фоне холодных огнях? Ответ на этот вопрос вот уже на протяжении тысячелетий ищут самые продвинутые умы и не могут никак отыскать. Наш любознательный юноша, воспользовавшись тем, что старый учитель не дергает его ежеминутно, изводя мелкими поручениями, прилег на мягкую травку, подложив ладони под голову, и углубился в созерцание умопомрачительных красот, предоставленных Великим Создателем всякому желающему в бесплатное пользование...

Гвенлин пребывал в мечтательно-дремотном состоянии, может быть, часа четыре, а может быть, и больше, пока скрипучий голос вечно недовольного Моргелана не донесся до его ушей из пещеры и не вернул его к земным реалиям:

– Эй, бездельник, куда это ты запропастился? До восхода Полночной звезды остается меньше часа. Иди сплосни свою чумазую физиономию, чтобы ненароком не напугать Аданаизио, когда твой мудрый учитель доставит его сюда из самой Преисподней! – сострил маг и тут же захихикал, по достоинству оценив непревзойденную красоту собственной шутки.

– Слушаюсь, учитель! – по-военному кратко отозвался Гвен, поскольку за долгие годы общения с привередливым колдуном уяснил для себя, что старый Моргелан терпеть не может от кого-либо, кроме собственной персоны, длинных развернутых рассуждений, и бегом помчался выполнять распоряжение своего патрона...

Войдя в ярко освещенную масляными лампами и многочисленными свечами пещеру, юноша нашел учителя в благодушном расположении духа. Чародей мурлыкал себе под нос какой-то веселенький мотивчик. Если оценивать объективно, мелодия в его исполнении была далека от совершенства, поскольку за всю свою многовековую жизнь Моргелан так и не научился попадать в ноты ближе, чем на полтона, хотя, нужно признать, с чувством ритма у него было все в порядке. Гвен, к своему глубокому изумлению, даже не получил от заботливого наставника традиционную профилактическую затрещину. Приглядевшись повнимательнее, молодой человек обнаружил значительные изменения обстановки внутри их совместной с магом обители. Мебель была небрежно сдвинута к стенам пещеры, а в ее центре красовалась приличных размеров тщательно вычерченная алой краской на вычищенном до блеска каменном полу равносторонняя пятиконечная звезда, заключенная в правильную окружность. В вершинах острых углов пентаграммы находились пять бронзовых жаровен, каждая на две трети заполнена пышущими жаром, раскаленными докрасна углями. Все пространство как внутри, так и снаружи рисунка пестрело многочисленными значками, начертанными все той же краской крова-

вого цвета. Что обозначает вся эта писанина, Гвен не знал, однако интуитивно понял, что от художеств учителя лучше держаться как можно дальше.

– Перевернутая пентаграмма – знак Преисподней, – указал рукой на свое творение раздувшийся от осознания собственной исключительности старый колдун. – Сегодня с ее помощью твой учитель вызовет в наш мир великого Аданаизио и наконец-то получит то, о чем так долго мечтал.

– Но, учитель, разве вы не боитесь, что демон сумеет вырваться на свободу? Что тогда станет с нами?

– Дурачок, – усмехнулся чародей и несильно по-отечески наградил паникера запоздалой затрепичкой. – Не для того твой учитель сто лет грыз гранит науки по всяким учебным заведениям, а потом еще два века занимался самостоятельной исследовательской деятельностью, чтобы какое-то адское отродье вышло из-под его контроля. – Затем он протянул ученику очередной бумажный листок, исписанный мелкими буквами, и, указав рукой на лабораторный стол у стены, промолвил: – Ознакомься со списком. После каждого моего щелчка пальцами подашь следующий ингредиент.

Гвенлин бегло ознакомился с содержимым записки и внимательно осмотрел лабораторный столик.

– Ага! Колба номер два, составы «А», «Б», «В»... – все вроде бы на месте.

– Вот и славно! Ровно через пять минут Полночная звезда покажется на небосклоне, тогда и начнем.

Вооружившись хронометром-луковицей размером с могучий кулак ученика, Моргелан впился взглядом в секундную стрелку и замер, опасаясь прозевать миг восхода долгожданного светила. Наконец он встрепенулся, захлопнул часы и небрежно запихнул их в карман.

– Пора, Гвен! Позиция номер один – бумажный пакет со смесью бертолетовой соли и молотыми крылышками майских жуков...

Юноша, каждый раз старательно сверяясь со списком, по просьбе учителя подавал ему все новые и новые пакетики с различными порошками, колбочки, наполненные разноцветными растворами, или баночки с неаппетитным на вид содержимым, по внешнему виду и запаху очень похожим на фекалии больного, страдающего диареей. Оказавшись в руках Моргелана, содержимое того или иного сосуда тут же летело в одну из жаровен и либо сразу сгорало в яркой вспышке, либо начинало нещадно дымить. В результате по пещере распространился невыносимый смрад, будто врата в Преисподнюю уже распахнулись и ядовитая атмосфера потустороннего мира вырвалась за его пределы, грозя уничтожить все живое вокруг.

На столике оставалась еще парочка пакетиков, когда слезы ручьем хлынули из глаз молодого человека, не давая возможности прочесть, что написано в сопроводительной записке. К неподдельному удивлению Гвенлина, учитель не только никак не реагировал на ядовитый дым, колдун умудрялся без умолку сыпать фразами на каком-то непонятном языке, ни разу не поперхнувшись при этом.

– Пакет номер восемь! – громко скомандовал чародей. – Дробленая кора белой ивы в смеси с семенем льна.

Поскольку дым невыносимо щипал глаза, мешая ориентироваться в обстановке, а обстоятельства требовали немедленных действий, Гвен схватил со стола первый попавшийся пакет и передал его в руки учителя, наивно полагая, что великой беды не случится даже в том случае, если он что-то под конец и перепутает. Действительно, после того как содержимое пакетика исчезло в яркой вспышке над одной из жаровен, ничего страшного вроде бы не произошло.

«Угадал», – с облегчением подумал юноша и с легкой душой передал в руки наставника последний оставшийся ингредиент, благо на сей раз не было нужды делать какой-либо выбор.

К сожалению, кажущаяся на первый взгляд удача может в любой момент обернуться полным фиаско, и никто от этого не застрахован. Именно так случилось на этот раз. Ничего не

подозревающий Моргелан разорвал бумажную упаковку и щедро сыпанул содержимое пакета на раскаленные угли. Результат непреднамеренной ошибки его нерадивого ученика тут же не замедлил претвориться в жизнь в виде густого непроницаемого облака черного дыма, извергнувшегося из жаровни. Мало того, что видимость в пещере мгновенно упала до нуля, вырвавшийся на волю газ невыносимо вонял смесью аммиака, чеснока и горчицы, то есть был абсолютно непригоден для дыхания.

Организм Гвенлина, и без того замученный побочными ароматами ночной волшбы, наконец-то не выдержал. Позывы рвоты, зародившись где-то внизу живота, неудержимо устремились вверх, настоятельно требуя избавить желудок от присутствия в нем еще неусвоенных остатков ужина. К тому же легкие юноши горели невыносимо, будто внутрь каким-то необъяснимым образом пробралась саламандра и теперь исполняет там свой огненный танец. Подчиняясь древнейшему инстинкту самосохранения, ноги парня сами направились к выходу из пещеры. Но не тут-то было. Чья-то сильная рука уцепилась за ворот его рубахи, не давая возможности тронуться с места. Если бы у юноши было время для того, чтобы осознать, чья это рука, он, возможно, не совершил бы того необдуманного поступка, благодаря которому впоследствии получил на свою шею целый ворох неприятностей и кучу головокружительных приключений на свою задницу. Однако времени, а значит, и выбора у него не было. Нашему страдальцу не пришло в голову ничего умней, как послать со всей недюжинной силой собственный пудовый кулак в направлении неизвестного злодея. Удар пришелся во что-то очень угловатое и оказался весьма болезненным для владельца кулака. В тишине пещеры раздался неприятный хруст. Ошалевший от вони и ужаса, Гвен наконец-то почувствовал пьянящий запах свободы и что есть мочи рванул прочь из пещеры...

Более четверти часа юноша провалялся под раскидистым вязом на противоположной от пещеры стороне лесной поляны, в самой непосредственной близости от весьма неаппетитной лужицы, исторгнутой из недр его организма. Постепенно боль в обожженных легких начала отступать. Вернулась способность обонять окружающую среду, а вместе с ней по нюхательному аппарату юноши кувалдой ударил кислый запах его собственной блевотины. Превозмогая слабость, Гвен на четвереньках начал отползать от дерева. Добравшись таким образом до середины поляны, он неожиданно ощутил прилив сил и наконец-то смог подняться на ноги.

«Уф... кажется, живой, – было первой осознанной мыслью Гвенлина с того самого момента, когда ему так удачно удалось покинуть пределы пещеры. – Интересно, что же все-таки произошло? – было его следующей мыслью и, наконец, в окончательно прояснившейся голове молнией пронеслось паническое: – Где учитель, что с ним?»

Последнее из того, что он помнил, было то, как Моргелан распаковывает злосчастный пакет и высыпает его содержимое в одну из жаровен. Затем ядовитый дым, крепкая хватка чьей-то, возможно самого учителя, руки...

– О боже! – громко запричитал испуганный юноша. – Кажется, я достал его прямым в челюсть!

Мысль о том, что он, пусть даже ненароком, поднял руку на своего кормильца, подкосила Гвена в самом прямом смысле. Ослабевшие ноги, не в состоянии удерживать в вертикальном положении тяжесть увесистого тела, сами собой подогнулись, и парень неожиданно для себя приземлился на пятую точку.

«Вот дела, – обеспокоенно подумал он, – не хватало самому из-за нервного стресса стать паралитиком, тогда сиди на полянке и кукуй, пока кто-либо из чумазовцев не притащится за медицинской помощью».

Вопреки опасениям Гвена, паралич ног прошел сам по себе, вскоре молодой человек стоял на своих двоих и, безжалостно терзая пальцами правой руки свой ни в чем не повинный затылок, усердно размышлял над сложившейся ситуацией. А поразмыслить было над чем. Обстоятельства требовали от Гвенлина немедленных решений. Он должен был либо сам войти

в пещеру и посмотреть, что стало с его учителем, либо сбегать в Чумазову Людь и позвать на помощь, либо рвануть сломя голову куда глаза глядят и навсегда выбросить из головы счастливые годы, проведенные под темным лесным пологом бок о бок со сварливым, но, в общем-то, безобидным колдуном. У обоих последних вариантов было единственное неоспоримое преимущество – не нужно самому входить под каменные своды пещеры, в мгновение ока ставшей чужой и опасной. С другой стороны, если он кого-то приведет сюда, а маг вдруг окажется мертвым, могут подумать, что именно он, Гвен, и убил его. Пальцы руки невольно оставили в покое густую поросль на затылке и оказались в том месте могучей шеи, где обычно затягивается петля, после того как намыленная палачом веревка принимает на себя всю тяжесть тела висельника. Значит, второй вариант отпадает однозначно. С третьим не все так просто. Во-первых, куда бежать? А во-вторых, на какие шиши жить? Остается все-таки, преодолевая страх, посетить пещеру и молить всех небесных и подземных богов, чтобы учитель остался жив.

Это только в книгах про отважных рыцарей описывают чудеса героизма героев-одиночек. Задумал, например, богатырь отправиться выручать прекрасную принцессу из узилища чудища безобразного огнедышащего, прыг на коня богатырского и айда мятежный искать битвы. В жизни все по-другому: сами попробуйте-ка в темное время суток прогуляться по кладбищу – то-то и оно. Страшно, аж могильный холод до самых костей пробирает, хотя, казалось бы, с чего это вдруг нам бояться смиренных покойничков?

Представьте теперь состояние бедного паренька, оказавшегося посередине ночи на пороге пещеры, в которой творится черт-те что. Тем не менее, собравшись с духом и вооружившись на всякий случай суковатой дубиной, служившей ему постоянным напоминанием со стороны любимого учителя о том, что наказание неизбежно, Гвен осторожно подкрался ко входу и, преодолевая желание тут же дать стрекача, заглянул внутрь. Он сразу же отметил, что освещения в помещении изрядно поубавилось. Горела всего лишь одна масляная лампа. Свечи, как и прочие осветительные приборы, то ли прогорели, истощив запас горючего вещества, то ли погасли по какой иной непонятной причине. Однако света было вполне достаточно, чтобы во всех подробностях разглядеть распростертое на полу неподвижное тело учителя. Моргелан лежал на спине, головой в луже крови, уставившись в потолок жутким взглядом остекленевших глаз. Нетрудно было догадаться, что чародей безнадежно мертв. При виде столь печальной картины юноша, выбросив из головы все страхи и тревоги, опрометью метнулся в полумрак пещеры к единственному в этом мире родному человеку, теша себя надеждой, что не все еще потеряно и учителя удастся вернуть к жизни. Но, подойдя поближе к старому колдуну, юноша окончательно убедился в том, что мятущаяся душа учителя навсегда покинула телесную оболочку.

К горлу Гвенлина внезапно подкатил неприятный, перехватывающий дыхание комок, а из глаз непроизвольно безудержными потоками хлынули горячие слезы. Теряя сознание, он вдруг подумал с сожалением, что не разобьет вдребезги свою голову о каменный пол пещеры, потому что падает на грудь мертвого учителя...

Глава 2

– Эй, убивец, вставай! Хватит притворяться! – чей-то тоненький, но довольно громкий голосок раскаленным гвоздем безжалостно терзал воспаленный мозг юноши, мешая снова впасть в спасительное забытие.

– Уйди, зануда! – Гвен начал машинально шарить рукой в пределах ее досягаемости, будто хотел отогнать назойливого комара.

Неожиданно его ладонь наткнулась на небольшой размерами, чуть больше самой ладони, шероховатый предмет. Станным образом предмет попытался выскользнуть из начавших сжиматься пальцев, но не тут-то было – не было еще случая, чтобы от нашего героя ушел хотя бы самый ловкий и скользкий налим, коих юноша имел привычку добывать из реки голыми руками. Ощувив в руке трепещущую шероховатость добычи, Гвен окончательно пришел в чувство. Широко распахнув веки, он поднес ладонь к глазам и увидел там своего заклятого недруга – ненавистного Мандрагора.

Никто не знает, когда, а главное – зачем старому Моргелану понадобилось вдохнуть душу и оживить высушенный корешок мандрагоры лекарственной, здорово напоминавший по внешнему виду маленького уродливого человечка с избыточным количеством рук или осьминога, решившего встать на две конечности, к тому же прилепить ему некое подобие лица со всеми атрибутами, свойственными человеческой физиономии. Может быть, у колдуна время от времени возникала потребность с кем-нибудь пообщаться, и странное существо вполне подходило для этой цели. По какой-то ведомой одному ему причине с первых минут знакомства с Гвенлином Мандрагор возненавидел парнишку лютой ненавистью. Вполне вероятно, он боялся, что Гвен выбьется со временем в фавориты и оттеснит его от обожаемой персоны хозяина, а может быть, ему попросту не пришелся по душе новый сосед. Так или иначе, дать четкую формулировку причин, объясняющих свою патологическую нелюбовь к Гвену, теперь не смог бы и сам Мандрагор. Именно поэтому он частенько устраивал наивному парню подлые подставы, за что тот едва ли не ежеминутно огребал по полной от своего уважаемого наставника и прослыл в его глазах безнадежным лентяем и бездельником.

Продолжая сжимать в правой руке пленного врага, юноша сполз на карачках с расprostертого тела своего умершего учителя, затем неловко выпрямился, с трудом сохраняя равновесие. В голове невыносимо шумело, будто сегодняшним вечером он не принимал посильное участие в магических опытах наставника, а вместе со своими чумазовскими друзьями дегустировал крепкий сидр из яблок урожая прошлого года. Вспомнив усопшего, Гвен неловко опустил свой зад на ближайшую скамью, потупил взор, да так и замер молча, будто крепко призадумался. На самом деле в его голове было пусто, как в деревянной бочке после того, как из нее безжалостно выплеснули в компостную кучу вместе с покрытым пятнами плесени вонючим рассолом последний десяток прокисших огурцов.

Неизвестно, сколько еще молодой человек собирался находиться в глубочайшем ступоре, оплакивая своего мертвого учителя и себя любимого заодно. Однако пленному Мандрагору вскоре надоело пребывать в состоянии подвешенной неопределенности и полной зависимости от воли существа, у которого он в свое время, выражаясь фигурально, изрядно попил крошки. Беспокойный корень задвигал конечностями и громко запищал:

– Ну что, изверг, угробил своего благодетеля! Теперь тебе не сносить головы.

Противный голос ненавистного существа оказался эффективнее ушата ледяной воды. Гвенлин встряхнул головой, отгоняя прочь тоскливые мысли о своем незавидном будущем. Он поднес высушенный корешок поближе к лицу, чтобы хорошенько разглядеть в неверном свете масляной лампы его сморщенную мордашку, и, постаравшись придать своей физиономии по возможности самое свирепое выражение, громко рывкнул:

– Заткни пасть, гомункул вяленый! Даже не мечтай – лютой смертушкой моей любоваться тебе не придется. Порублю топором на кусочки. Нет, лучше свяжу, чтобы не дрыгался, и суну в горшок с землей, а горшочек поставлю в самый дальний угол пещеры, где потемнее да повлажнее. Прорастешь, а света и нет. Чем будешь фо-то-син-те-зи-ро-вать? – последнее слово парнишка произнес по слогам, поскольку лишь недавно почерпнул из лексикона учителя замысловатый научный термин «фотосинтез» и пока еще не научился бегло манипулировать столь мудреным словечком. – Недельку помучаешься, а после и сам окочуришься безо всякой посторонней помощи.

Наконец доморощенный садист замолчал и стал любоваться эффектом, произведенным своей неистойвой фантазией на впечатлительную натуру Мандрагора. О, с каким бы удовольствием он продолжал наслаждаться испуганной физиономией своего недоброжелателя и мучителя, если бы рядышком не валялся мертвый наставник, чей бездыханный труп не позволял ощутить всю полноту радости от одержанной победы.

– Гвенлин, надеюсь, то, что ты сейчас сказал, – всего лишь шутка? – жалобным голосом поинтересовался «вяленый гомункул».

– А сам-то ты как думаешь?

Поскольку вопрос Гвена одновременно являлся и ответом на самого себя, карикатурная мордочка одушевленной деревяшки забавно сморщилась, будто Мандрагор дерябнул изрядное количество лимонного сока. Его глянцево-бусинки часто-часто заморгали. Нетрудно было догадаться, что магическое существо, зажатое между пальцами юноши, в настоящий момент пребывает в состоянии неопишуемого ужаса.

– Ты... ты н...не им...меешь п...права подн...мать р. руку на разу...умное сущ...ство! – заикаясь от страха, что есть мочи заверещал пленник.

Гвен, в свою очередь, кисло скривил рот, что, по всей видимости, должно было означать усмешку.

– Это где же такое написано, что ты разумное существо? Может быть, на твоём корявом лбу? Да таких разумных каждый день по печам рассовывают знаешь сколько? К тому же сегодня я уже поднял руку на одно по-настоящему разумное существо, за второго голову мне обратно не прирастят и снова не отрубят. Выходит, торчать тебе в горшке с землицей в самом дальнем и темном закутке пещеры. Будет у меня хотя бы слабое утешение, что врагу моему еще долго мучиться после того, как мое обезглавленное тело предадут земле.

– Погодь, не торопись, Гвен! – Мандрагору наконец-таки удалось обуздать эмоции, и он перестал заикаться. – Подумай о своей душе. Каково тебе будет на том свете отбывать наказание не только за своего учителя, но и за безвинно убиенного корня? Ты лучше отпусти меня с миром и сдайся в руки полиции. Скажешь, мол, не специально учителя грохнул, тебя, глядишь, и помилуют...

– Во, пала! – неожиданно громко раздалось под сводами пещеры. – А этот фраерок часом не подрабатывает стукачом в каком-нибудь мусорском отделении? Ты, паря, поменьше этого козла слушай. Ментам только попади в лапы – вмиг в казенный дом с решетками оприходуют. Тебе в лучшем случае по новому российскому законодательству статья сто девятая светит – причинение смерти по неосторожности, а это до трех лет лишения свободы, а в худшем сто пятая – от шести до двадцати. К тому же, как я понял, местные высокопоставленные бандюганы еще не залоббировали мораторий на смертную казнь. Поэтому не исключен самый печальный исход – сам понимаешь какой. Значица, прямая тебе дорога, парниша, ноги в руки и в бега, если ты, конечно, не какой-нибудь с рождения стукнутый на голову страсотерпец, готовый добровольно лишиться башки во благо спасения своей бессмертной души.

Гвенлин и Мандрагор, вылупив от усердия глаза, начали вглядываться в темноту пещеры. Однако увидеть того, кому принадлежал голос, им так и не удалось. Наконец юноша, не выпуская пленника, пальцами очистил от нагара фитиль еле коптящего масляного светильника, взяв

его в руку, приподнял свободной рукой на уровень глаз и с опаской направился в сторону пентаграммы, откуда, как ему показалось, и доносился загадочный голос. Не дойдя трех шагов до границы круга, очерчивающего магическую звезду, он увидел в ее центре некое существо, сидящее на полу, скрестив ножки под себя на манер диких кочевников степного Эрулена. И тут до него наконец-то дошло, что эксперимент учителя по вызову потустороннего существа закончился полным триумфом. Вспомнив покойника, сердобольный юноша непроизвольно шмыгнул носом и подумал: «Жалко, что старый Моргелан так неудачно подвернулся мне под руку. С помощью демона он бы уж точно обрел вечную юность». Подойдя почти вплотную к пентаграмме, Гвен поднял повыше фонарь и внимательно начал разглядывать дорогого гостя из самой Преисподней. Пришелец оказался невелик ростом – не более трех-четырёх футов, обладал четырьмя когтистыми лапами и толстым, относительно длинным хвостом с забавной кисточкой на кончике. Его полностью лишенная каких-либо признаков волосяного покрова кожа по цвету здорово напоминала извлеченного из кипятка рака. На приплюснутой, как тыква, голове кроме зубастой пасти от уха до уха примечательной была еще пара щегольских рожек, все остальные детали лица выглядели вполне ordinarily. Короче говоря, в силки, расставленные мудрым Моргеланом, попался самый обыкновенный демон, изображениями коих пестрят многочисленные пособия по демонологии, экзорцизму и другим наукам, изучающим взаимодействие потусторонних сил с нашим миром.

– Эй, чудовище! – после недолгих размышлений парень все-таки решил обратиться к краснокожему пришельцу. Тем более, пока существо пребывало в пределах пентаграммы и целостность начерченных линий не была нарушена, Гвену с его стороны ничего не угрожало. – Тебя часом не Аданаизио кличут?

– Щас-с-с! Аданаизио он захотел увидеть! – Демон широко раскрыл свою пасть, усеянную не менее чем сотней острых, будто гвозди, зубов. Как догадался Гвен, это должно было означать легкую ироническую улыбочку. – Ждите, Ваше Колдовское Величество, сам архидемон к вам в гости пожалует! – Затем он перестал скалиться и серьезным тоном произнес: – Моли своего Спасителя, что вместо Аданаизио здесь оказался я – Ши-Муль-Алан-д-Тик...

– Стоп, Шмульттик! – скомандовал Гвенлин, по ходу переиначив труднопроизносимое имя демона до вполне приемлемого. – Не трещи, как сорока. Объясни, почему опасно вызывать Аданаизио.

– Не Шмульттик, а Ши-Муль-Алан-д-Тик, – сделал попытку обидеться демон.

– Ага, стану я ломать язык, выговаривая «Ши-Муль...» тьфу... «Шмульттик» красиво, а главное, не заковыристо, можно сказать, демократично.

Как истинный книголюб и к тому же ученик чародея, Гвен любил козырнуть красным словом. Особенно эффективно этот прием действовал на чумазовских девок, которые после двух-трех заумных фраз, произнесенных нашим героем во время вечерней прогулки тет-а-тет, тут же выпадали в осадок под ближайшим стожком или кустиком прямо в могучие объятия коварного искусителя.

– Ладно, Шмульттик так Шмульттик, – махнув когтистой лапой, неожиданно легко согласился демон. – Все равно меня по-другому никто, нигде и никогда не называл. Итак, что ты хотел знать о великом Аданаизио?

– Валяй, рассказывай все, – великодушно разрешил юноша.

– Ишь ты!.. Все ему подавай, – съязвило существо. – Хорошо, всего я, конечно же, про него и сам не знаю, но кое-что интересное для тебя расскажу. Великий архидемон, повелитель темпоральных потоков, тем и отличается от любого другого обитателя Преисподней, что его невозможно заключить в пентаграмму, если, конечно, он сам того не пожелает. Представь, Гвен, что твоему чокнутому учителю все-таки удалось вызвать его в ваш мир. Что в этом случае могло помешать Аданаизио прыгнуть в прошлое, например на сутки назад, когда никакой

пентаграммы еще не существовало, выйти за ее пределы и, вновь вернувшись в настоящее, преспокойно предстать пред очи вызывающего его мага...

Хотя юноша до сегодняшней ночи не имел удовольствия лицезреть воочию всякую потустороннюю нечисть, кроме вполне безобидных лесных духов, ему было хорошо известно о ее повадках и манерах. Поскольку Моргелан в задушевных беседах с учеником неоднократно и весьма красочно описывал одного из хозяев Преисподней, юноше нетрудно было представить, чем могла бы закончиться встреча вырвавшегося на свободу чудовища с излишне самоуверенным чародеем, а заодно и с ним – ни в чем не повинным Гвенном. Поневоле ноги парнишки вновь начали слабеть и подгибаться. Пару мгновений спустя, восседая рядом с пентаграммой в той же самой неудобной позе, что и заключенный внутри ее демон, бывший ученик чародея попытался исключительно посредством силы своего духа бороться с внезапно накатившим головокружением.

– Пожалуй, на месте этой уютной пещерки сейчас уже плескалось бы приличных размеров озерцо, да и жителям Чумазовой Люди мало не показалось бы, – как-то отрешенно, еле слышным голосом констатировал молодой человек.

– Во-во, Гвен, теперь ты можешь спокойно причислить себя к сонму Великих Героев – Спасителей с большой буквы и вправе требовать от благодарных чумазовцев бронзовый памятник в полный рост и в натуральную величину.

– Ага! На коне его изваяют! – подал голос ранее молчавший Мандрагор. – Погиб маг, и не просто маг, а посвященный высшего круга. Такие случаи требуют особо тщательного расследования. Через каких-нибудь пару-тройку дней в окрестностях лесной пещеры будет не протолкнуться от гильдейских нюхачей, экзекуторов и дознавателей. Вот тогда-то уж точно нашему Гвенчику наступит полный абзац.

– Это почему же? – поинтересовался Шмультик.

– А потому, что никто в этом мире не имеет права поднимать руку на члена колдовской гильдии, тем более убивать его, даже если сам маг кругом виноват.

– Ну ваще! – искренне возмутился демон, – с таким беспределом я даже в ГУЛАГе не сталкивался! В те времена лишь один Отец Народов был безгрешен. Все остальные, включая самых приближенных его собутыльников, числились потенциальными кандидатами в зэки, и никакая гильдия, типа ВКПб, не давала им ни малейших гарантий, что наутро после очередной пьянки со своим патроном за кем-нибудь из них не приедет «черный воронок».

– Неужто приближенных самого короля в застенки отправляли?! – воскликнул Мандрагор, правильно истолковав полученную от демона информацию, и, не скрывая восхищения в голосе, поинтересовался: – Где же такое царство справедливости находится?

– Упаси Великий Создатель даже самого лютого врага оказаться в этом «царстве справедливости». – Шмультик назидательно посмотрел на Мандрагора и пояснил: – Сидеть рядом со щипачом, бандитом, медвежатником или рядом с бывшим большевиком-начальничком все одно – кайло и тачка легче не станут, норму выработки не урежут и пайку не увеличат... – Демон немного помолчал задумчиво, будто что-то вспоминал из прошлой жизни, и в заключение добавил: – Нет больше того царства-государства – пахан откинул копыта, а претенденты сначала перегрызлись за наследство, потом и вовсе целую страну профукали.

– Дивные речи говоришь, красномордый. – Гвенлину надоела роль пассивного слушателя, и он решил принять участие в разговоре. – Ты лучше скажи, почему на зов учителя явился ты, а не Аданаизио?

– Это тебе самому должно быть лучше известно, – напустил туману демон, но не стал никого долго держать в неведении и тут же пояснил: – Твой учитель не без твоей, паря, помощи умудрился что-то напутать при сотворении заклинания, и вместо одного из великих правителей Преисподней вы с ним выдернули из ледяного колымского ада Ши-Муль-Алан-д-Тика – вашего покорного слугу...

– За что твоему избавителю светит теперь либо остаться без своей тупой башки, либо болтаться на веревке с выпученными зенками и вывалившимся языком, к великой радости окрестного воронья. Если, конечно, маги не придумают для нашего героя что-нибудь пооригинальнее. – Мандрагор щедрой дланью «сыпанул приличную горсть соли» на все еще кровоточащую душевную рану молодого человека.

– Погодь, корявый, раньше времени кипиш подымать! В данный момент Гвену ничего страшного не угрожает. Сейчас на дворе ночь. Сколько времени осталось до рассвета?

– Часа два, а может быть, и три, – немного подумав, ответил юноша.

– Думаешь, то, что ты мне сейчас сказал, я сразу же понял? – издевательски усмехнулся демон. – Ты мне лучше покажи какой-нибудь прибор для измерения этого самого времени, а там уж я как-нибудь самостоятельно сориентируюсь.

Не опускаясь до пререканий с наглым исчадием Преисподней, Гвенлин вскочил на ноги, с опаской приблизился к мертвому телу и начал водить фонарем вокруг него.

– Ага! Вот они!

Молодой человек нагнулся и что-то извлек из кармана покойника, засунув предварительно недовольного Мандрагора в карман своих штанов. Вернувшись к очерченной красной краской границе магического круга, он продемонстрировал Шмульту часы-луковицу – предмет зависти многочисленных коллег по цеху так бесславно почившего Моргелана. Демон хотел было взять хронометр из рук Гвена, но в тот момент, когда когтистая лапа вот-вот должна была пересечь границу пространства, условно очерченного проекцией окружности, линии на полу налились угрожающе-кровавым светом, и его преобильно шарахнула непонятно откуда взявшаяся ветвистая ослепительно-голубая молния.

– Во пала! – потирая обожженную лапу, воскликнул Шмульт. – Совсем забыл про подключаемую пентаграмму, чтоб ей пусто было! Дай-ка, паря, мне взглянуть на эти котлы... Все понятно, – после минутного созерцания бегущих по циферблату стрелок промолвил он, – сутки состоят из двадцати четырех часов, час разбит на шестьдесят минут, минуты – на такое же количество секунд. Шестеричная система исчисления. Прям Земля-матушка – даже продолжительность полного оборота планеты вокруг собственной оси совпадает аж до десятого знака. – Затем демон озабоченно посмотрел на юношу и деловым тоном произнес: – Давай, кореш, выпускай меня на свободу. Времени в обрез, отсюда когти нужно рвать в самом срочном порядке – чем дальше успеем оторваться, тем сложнее будет нас поймать...

– Погоди, бесовская морда! – взмахом руки Гвен прервал словесный поток разошедшегося не в меру собеседника. – Это кто же тебе сказал, что я собираюсь куда-то бежать и тем более брать такую образину с собой?..

– Правильно, Гвенчик, – пискливо донеслось из кармана, – сдаваться нужно! Может быть, тебя и помилуют...

– Ты тоже заткни пасть, праведник! – Юноша чувствительно шлепнул рукой по карману, в котором томился Мандрагор. – Отправлю в горшок с землей, как обещал, будешь оттуда поучать умных людей, что им и как делать.

Магический корень тут же притих. По всему было видно, что в горшок, даже с самым вкусным и питательным содержимым, он вовсе не торопится.

Поставив лампу на пол рядышком с пентаграммой, Гвен придвинул поближе к ее границе плетеное кресло-качалку – любимое место времяпрепровождения его покойного учителя – и, взгромоздившись на нее, предался невеселым размышлениям о незавидных перспективах своего будущего, так неожиданно оказавшегося под огромным знаком вопроса. По правде говоря, гибель учителя лежит целиком на самом старом чародее – нечего хватать одуревшего от едкого дыма человека, не давая ему возможности выбраться на свежий воздух. С другой стороны, попробуй это доказать следственной комиссии Гильдии Магов. Для этих снобов в длиннополых балахонах приговорить простого человека к смертной казни – раз плюнуть. Никто даже

разбираться не станет, виноват подследственный или нет. Сдерут кожу с живого и привяжут к столбу за городской стеной для устрашения народонаселения и на радость бесчисленным стаям наглых летучих крикунов, непрерывно гадящих на головы жителей Чумазовой Люди. Пожалуй, в такой ситуации сдаться в лапы колдунам – поступок весьма опрометчивый. А поскольку Гвенлин считал собственную персону во всех отношениях весьма продвинутой, он не допускал мысли, что может дать кому-либо повод обвинить себя в глупости.

«Значица, надо делать ноги», – подумал Гвен и подловил себя на мысли, что начинает перенимать у демона кое-какие ранее ему неведомые словесные обороты.

– Что ты предлагаешь, бесовское отродье? – подняв глаза на демона, спросил юноша.

– Во-первых, не оскорблять меня всякими недостойными сравнениями с существами, никакого отношения к чудесному местечку под названием Преисподняя, а точнее, Инферналиум не имеющими. Во-вторых, выпустить вашего покорного слугу за пределы магической ловушки и наконец-то перейти от огульного охаивания моей безобидной персоны, граничащего с неприкрытым расизмом, к конструктивному разговору на тему: «Как нам вытащить из беды одного симпатичного паренька».

– Не верь ему, Гвенчик! – донеслось из кармана, это Мандрагор, невзирая на опасность получить очередную увесистую оплеуху, решил еще раз предупредить юношу. – Когда демон вырвется на волю, первым делом в благодарность за свое освобождение он сожрет твою плоть вместе с несчастным Мандрагором, а потом утащит твою бессмертную душу напрямик в Преисподнюю, где определит ее в самое горячее местечко.

– Ну ты, пала, даешь! – возмутился демон. – Фильтруй базар, крыса! Может быть, у вас, деревяшек, нет никакого понятия об элементарной порядочности, а нас, демонов, еще с пеленок приучают к мысли платить добром за добро...

– Ага, а как же многочисленные случаи нападения демонов на людей, внедрение в тело жертвы или банальный захват и похищение прямо в Ад бессмертной человеческой души? Может быть, я что-нибудь придумываю? – Корешок в праведном гневе даже рискнул высунуть свою сморщенную мордашку из кармана Гвенлиновых штанов. – А сколько раз нам с покойным хозяином доводилось изгонять вашего брата из людей, домашней скотины, предметов всяких и помещений – даже и не упомяну.

– Ша, горластый, заткни фонтан! Беспредельщики и среди демонов, и среди людей, и среди вашего брата – одушевленного чурбана встречаются. Если обобщать, получается, что все люди – дерьмо, потому что теоретически могут убить себе подобного или призвать демона и куражиться сколько угодно над беззащитным существом, пока оно не может покинуть пределы пентаграммы, а также потому, что используют твоих деревянных собратьев в качестве дров или каких других поделок. От неправильного применения лекарственных растений, между прочим, также отбрасывают копыта как люди, так и животные и даже демоны. Значит, все мандрагоры, валерианы, тысячелистники и прочие гербарии смертельно опасны для всего живого. Давайте бояться и не доверять друг другу, в этом случае Гвена поймают и отправят на плаху или вздернут за шею на виселице. Тебя, деревянный, посадят в землю, обильно польют и оставят без света. Меня обнаружат маги и развеют для порядка, не поинтересовавшись, желаю я этого или нет.

– Ладно, Шмультик, умерь свой пыл, – Гвенлин наконец вмешался в спор двух оппонентов. – Выпущу я тебя, но только после того, как ты именем верховного владыки Преисподней, собственным здоровьем и здоровьем своих детей, как уже имеющих, так еще и не родившихся, поклянешься служить мне верой и правдой. Готов ли ты к этому?

После столь длинной и заумной тирады юноша обвел всех присутствующих в пещере горделивым взглядом, мол, знай наших.

– Так не годится, – спустил Гвена с неба на землю Шмультик. – Клятву, конечно же, я могу дать, однако мы должны обговорить сроки моего пребывания в этом мире: например,

год, десять или до тех пор, пока ты сам не откажешься от моих услуг, с одним обязательным условием, что после твоей смерти я получаю полную свободу.

– Не слушай его, Гвен! – вновь запищал Мандрагор. – Что ему мешает после освобождения убить тебя и меня до кучи и тут же получить эту самую полную свободу?

– Успокойся, корень. – Юноша взглянул на паникера, как поглядел бы отважный полководец на своего генерала, рискнувшего предложить ему отдать войскам приказ об отступлении в тот момент, когда эти войска уже сломали натиск врага и преследуют поверженного противника по всей линии фронта. – Мы тоже не лыком шиты – внесем этот пункт в текст клятвы, и пусть попробует вытворить что-нибудь эдакое супротив нас с тобой. – И обратившись к демону, громко спросил: – Понял, бесовское отродье?

– Мера избыточная, но если вы так хотите, я готов, – согласился Шмультик и еле слышно добавил: – Тоже мне перестраховщики.

На что Гвен, обладавший от рождения тонким слухом, весело ответил:

– Доверяй, но проверяй. Не так ли, мои уважаемые компаньоны?

Глава 3

Вслед за тем, как демон после тщательной проработки текста человеком и в большей степени вяленным корнем мандрагоры, наконец-то покинувшим карман штанов с великодушного соизволения их владельца, торжественно зачитал клятву, Гвенлин поднялся с кресла-качалки и, подойдя к границе, очерченной алой линией, носком ноги небрежно размазал краску по полу, освободив тем самым узника из заточения. Справедливости ради нужно отметить, что от порождения Преисподней никто не потребовал службы на протяжении пожизненного срока, отпущенного юноше. Он должен был всячески помогать Гвену и оберегать его по мере своих сил всего лишь до тех пор, пока черные тучи не рассеются над головой бывшего ученика волшебника и его жизни не перестанет угрожать топор палача или другое приспособление из многочисленного изобретенного людьми арсенала, предназначенного для эффективного сокращения срока жизни индивидуума.

Шагнув за пределы ловушки, Шмультик с шумом втянул в себя изрядную порцию воздуха и, крепко зажмурив глаза, замер, будто к чему-то внимательно прислушивался. Наконец он вышел из оцепенения, освободив легкие, задышал нормально и, не обращая ни к кому конкретно, заговорил:

– Воздух не содержит продуктов горения углеводородов или других вредных примесей, электромагнитный фон ровный, уровень радиации не превышает естественного, судя по твоей одежде и некоторым предметам в пещере, мир находится на уровне раннего Средневековья. Не удивлюсь, если узнаю, что по дорогам здесь разгуливают банды бродячих рыцарей, нищей голытьбы, голодных пацанов с гитарами, именующих себя менестрелями или бардами, и прочего отребья. Итак, имеем аграрное общество с очагами мелкотоварного производства в городах и крупных селах плюс довольно развитую магию. Получается, Земноморье какое-то или мир Толкиена. – Прервав размышления вслух, демон обратился к присутствующим с вопросом: – Друзья, а здесь случайно мелкие парни с волосатыми ногами не обитают, хоббитами их кличут, или такие огромные на черных конях с горящими глазами – назгулы, кажется? Классная книженция, недавно на зоне прочитал, все в ней как в жизни, аж всплакнул пару раз.

– Не, о таких не ведаем. Как ты говоришь: назгулы, хоблиты? – поспешил разочаровать Шмультика Гвенлин. – Эльфы есть, гномы и тролли в горах живут, лесные, полевые и водные духи попадаются изредка, драконы из-за южных гор, случается, залетают. Больше вроде бы никого не припоминаю.

– Ну как же, Гвенчик! – дал о себе знать комариным писком вполне освоившийся на плече юноши Мандрагор. – Ты забыл упомянуть о таящихся в ночи.

– Сказки все это, – авторитетно заявил Гвен, – досужие бабьи сплетни, коими они своих мужей пугают, чтобы те засветло из кабаков возвращались и не задерживались допоздна у разбитых вдовушек.

Осторожный корень, памятуя о горшке с землей и прочих грозящих ему бедах, оспаривать категоричное заявление юноши не рискнул. Проворчав что-то неразборчивое себе под нос, с обиженным видом он отвернулся от Гвена и Шмультика и принялся пялиться во мрак пещеры, будто ожидал обнаружить там этих самых таящихся.

– Да не парьтесь, пацаны, – демон миролюбиво обратился к присутствующим в пещере. – Насчет хоббитов я поинтересовался в порядке праздного любопытства. На самом деле мне по барабану, кто здесь обитает в лесах, горах, а также в полях и болотах. Наша главная задача – вытащить тебя, Гвен, из той кучи дерьма, в которую ты умудрился вляпаться. Все остальное нас должно интересовать постольку-поскольку. Я, посчитай, более семидесяти годков в родной Преисподней не был – все по различным исправительно-трудовым заведениям маялся в одном весьма препротивном местечке под названием Заполярье. Боюсь, что моя многочис-

ленная родня давным-давно оплакала беднягу Ши-Муль-Алан-д-Тика. Поэтому, сами понимаете, задерживаться здесь для ознакомления с достопримечательностями вашего фэнтезийного мирка мне нет никакого резона. Жду не дождусь того момента, когда со слезами на глазах смогу обнять своих братьев и сестер, облобызать лапу любимого папеньки и уткнуться носом в грудь моей обожаемой матушки...

Шмультик неожиданно замолчал. Его страшная физиономия скривилась, будто демон собирался немного всплакнуть, отчего сделалась вовсе не страшной, а скорее забавной. Гвену вдруг от всей души стало жалко краснокожего малыша, и он как мог попытался его утешить:

– Ты это... того... кончай, паря! Не хватало, чтобы мы сейчас все дружно разрыдались. Ты лучше подумай, как бы нам тебя замаскировать. С такой образиной тебя сразу же определят, как ты сам изволил выразиться, «в казенный дом», а заодно и нас вместе с тобой. Вон на стене висит шкура горного барана с рогами. Давай тебя в нее закутаем, будто ты всамделишный баран, а я твой пастух. Единственное неудобство – придется тебе перемещаться на четырех лапах.

– Ага, ты мне еще в козла для полного счастья обрядиться предложи, – встрепенулся Шмультик и зло посмотрел на Гвена. – Запомни раз и навсегда: Ши-Муль-Алан-д-Тик семьдесят годков провел в местах лишения свободы и мало кто рискнул его назвать бараном, козлом или другим каким обидным словечком, а тот, кто рискнул... – демон не довел свою мысль до логического завершения, он всего лишь многозначительно продемонстрировал юноше свои когтистые лапы. Вид острых, как бритва, крючьев размером с указательный палец Гвена тут же отбил у юноши всякую охоту расспрашивать своего новоявленного приятеля о том, что же все-таки случилось с теми несчастными. – Насчет маскировки не переживай. Нас, демонов, с самого раннего возраста основам магической мимикрии обучают, чтобы не сгинуть бесславно, очутившись не по собственной воле где-нибудь посередине бескрайней Колымы в обществе эзков, цириков и немецких овчарок.

С этими словами демон стал на глазах таять в воздухе. Превратившись в полупрозрачную смазанную тень, он не исчез окончательно, а начал вновь приобретать утерянную было материальность. Несколько мгновений спустя перед удивленными Гвенем и Мандрагором вместо краснокожего чудища с зубастой головой-тыквой стоял улыбчивый молодой брюнет – примерно ровесник Гвена вполне обычной наружности. Был юноша невысок, строен, облачен в странную по здешним меркам одежду: серый двубортный пиджак, под ним бордовая рубашка в крупную темную клетку и под цвет пиджака сильно расклешенные от бедра брюки. На ногах остроносые лакированные ботинки угольно-черного цвета. Из-под головного убора, по форме напоминающего расплюснутую оловянную миску, наружу лихо выбивался кудрявый вихор. Остальные детали его лица: большие глаза, крупный нос с горбинкой, щеголеватые усики над чувственным ртом – напомнили Гвену его «счастливое» раннее детство, проведенное в цыганском таборе, – там таких ухарей было пруд пруди.

– Чего пришибились? – сверкнув в полумраке пещеры золотой фиксой, поинтересовался демон у молча застывших с открытыми от удивления ртами Гвена и магического корня. – Лучше оцените прикид. Костюмчик от Арона – одного моего старинного приятеля, обшивавшего в свое время половину московской элиты и получившего пятьдесят восьмую, а к ней пятнадцать годков без права переписки из-за происков конкурента Мойши. Рубашечка – чисто фланель китайская, какой в наше время днем с огнем не сыскать. Ботиночки – эксклюзив от Изи Блумберга, это вам не какой-нибудь занюханый «Скороход», недаром Изечке даже, несмотря на его примерное поведение, срок удвоили – уж больно любило лагерное начальство щеголять в сапогах его пошива...

– Кончай кривляться! – одернул излишне говорливого демона Гвен. – Как ты считаешь, стоит ли нам взять с собой что-нибудь из имущества старого Моргелана или твоя бесовская морда в состоянии наколдовать все необходимое?

– Поскольку с этого мгновения мы с тобой компаньоны, попрошу меня не оскорблять! – возмутился Шмультик. – Что касается материальных ценностей, даже не надейся – золота, серебра, иже с ними мехов, бриллиантов и сложной бытовой техники от меня не жди. По репе любому супостату настучу, а также по мелочам наколдую барахлишка всякого для собственных нужд, но не более того. Хочешь, тебе точно такой же костюмчик сварганю?.. Не желаешь... ну и ладно...

Вооружившись тем самым кожаным мешком, с которым ходил за ингредиентами для имевшего столь печальные последствия эксперимента, Гвенлин пошел в отгороженный раскладной ширмой участок пещеры, где его бывший учитель имел привычку отдыхать лежа и где в несгораемом железном ящике хранил свои сокровища. Юноша без всяких колебаний подошел к дощатому топчану, застланному дублеными овечьими шкурами, нагнулся и, засунув руку под лежак, быстро обнаружил ключ, висевший на вбитом в одну из поперечных досок гвоздике. Вообще-то он всегда знал, где находится ключ, но взять его в руки дерзнул лишь сегодня.

– Во-во, теперь мы не только убийцы, мы ко всем прочим нашим недостаткам еще и воры! – Мандрагор, несмотря на реальную угрозу оказаться в горшке с землей, не смог удержаться от язвительной реплики в адрес молодого человека.

Не обратив внимания на оскорбительный выпад со стороны одушевленного растения, Гвен вставил ключ в скважину замка и трижды повернул его против хода часовой стрелки. Внутри ящика щелкнуло, и тяжелая дверца сама, без посторонней помощи распахнулась, едва не захвав по любопытному носу бывшего ученика чародея. Расправившись с запорным устройством, юноша поднял с пола светильник, поднес его к темному зеву сейфа, и тут же по пещере пронесся его громкий разочарованный возглас:

– Вот зараза! Нет здесь никаких денег!

Шмультик и Мандрагор мгновенно отреагировали: демон подошел сбоку и начал внимательно всматриваться внутрь ящика, корень, ловко вскарабкавшись по одежде на плечо неудачливого взломщика, также убедившись, что, кроме пачки каких-то исписанных мелкими закорючками пергаментных листочков размером с ладонь и толстенной книги заклинаний, внутри больше ничего нет, пропищал своим противным голосочком прямо на ухо юноше:

– Куда бабки подевались? Наш благодетель за спасибо никого не лечил. На какие шиши теперь путешествовать будем?

Сначала Гвен не прочувствовал до конца всю глубину последней фразы магического корня, а когда до него все-таки дошло, он ловко схватил свободной рукой кандидата в попутчики и зло прошипел:

– Никуда ты с нами не пойдешь. За все годы нашего знакомства ты мне надоел хуже горькой редьки...

– Не кипятись, паря! Корявого придется брать с собой, – неожиданно за Мандрагора вступился Шмультик. – Магам ни к чему знать о моем существовании, а этот молчать не станет – прижмут как следует, он тут-то все и выложит. Есть, конечно, другой вариант, но я не сторонник неоправданного душегубства даже таких козлов, как этот тип.

– Эй ты! – задергался корень в могучей юношеской длани. – Сам козел! Гвенчик, а ну дай-ка за меня этому гаду промеж глаз!..

– Кончай базар, народ! – вмешался в перепалку Гвенлин и, обратившись к демону, продолжил: – Этот вариант нам не подходит. Берем Мандрагора с собой, глядишь, для чего-нибудь и сгодится. Все равно, попади он в лапы гильдейских дознавателей, ему крышка – не любят маги чужого колдовства. Причиной тому интерференционные взаимодействия каких-то полей, критические наводки и активные помехи. Короче, плохо им становится, когда рядом магические сушеные корни и прочие артефакты. Учитель объяснял, но я так толком ничего и не понял.

– Сам ты артефакт, – огрызнулся Мандрагор, но от дальнейшего развития спора все-таки воздержался.

– Коль денег нет, – Гвен резко поменял тему разговора, – пойду хотя бы харчами запасусь.

– Точно, Гвенчик, – услыхав про еду, корень воспрянул духом, – сыра прихвати, да побольше – страсть как уважаю сей продукт.

Гвенлин и Шмультик, для которого также нашелся пустой заплечный мешок, с десятков минут провозились в дальнем углу пещеры, где по сусекам и закромам был разложен изрядный запас продуктов питания: каравай хлеба, мешки вяленого мяса, сыры разных сортов, размеров и форм, сухофрукты и много всего прочего. От покусительства разного рода прожорливых тварей и плесени все это богатство защищало наложенное хозяйственным Моргеланом мощное заклинание, для разумных созданий, впрочем, абсолютно безопасное. Рядышком на полке обнаружилась кухонная утварь. Когда запас еды, посуда, пара шерстяных одеял, комплект запасной одежды для Гвена и еще множество необходимых в походе вещей были разложены по рюкзакам, юноша подошел к сейфу, сгреб пергаментные листочки и запихнул их в один из накладных карманов своей котомки.

– А это тебе зачем? – поинтересовался демон.

– Это свитки готовых заклинаний – штука весьма ценная. Надорвал краешек, даже зачитывать нет необходимости, и оно само начинает действовать, только успевай отбежать подальше на всякий случай, – пояснил бывший ученик чародея.

– Может быть, тебе заодно и книгу прихватить? – посоветовал Мандрагор.

– Это зачем же? Все равно колдовать я не умею, а просто так таскать такую тяжесть нет никакого желания.

– Научись, – уверенно заявил корень, – если чего, мы поможем.

– Это чем же ты собираешься мне помочь? – Гвен недоуменно уставился на самонадеянного хвастунишку. – Может быть, ты знаешь, как накладывать заклинания на одушевленные и неодушевленные предметы, как вызывать духов, как активировать молнию или файербол?..

– Бери, бери, Гвенчик, – продолжал гнуть свое корень, – каждое заклинание сопровождается подробной инструкцией. Читать умеешь, значит, научись и заклинания накладывать, и духов вызывать, и прочей хрени-замудрени под названием магия. Не боги горшки обжигают.

– А чего, Гвен, деревянный, несмотря на все свои недостатки, на сей раз дело говорит, – поддержал Мандрагора Шмультик. – Сам я во всяких колдовских штучках не очень силен – суровая юность, проведенная в бескрайних просторах Заполярья, помешала моей учебе в каком-нибудь университете Инферналиума, но закон общедоступности трансцендентных манипуляций усвоил еще в начальной школе.

– Сначала объясни, что это за закон такой, а потом поговорим о деревянном и его недостатках! – задиристо пропищал Мандрагор.

Шмультик, не обратив особого внимания на плохо завуалированную угрозу в реплике одушевленного корня, начал с академическим видом объяснять присутствующим суть постулата общедоступности:

– Видите ли, друзья мои, искусство владения магией ни в малейшей степени не зависит от способностей индивидуума. Не буду приводить здесь всю громоздкую доказательную базу этого утверждения, скажу лишь кратко: любое разумное существо, при соответствующем усердии и наличии методического материала, может самостоятельно достичь высших степеней совершенства в этом кажущемся на первый взгляд очень сложном деле. Что мы имеем в данном случае? – продолжал демон. – Методические материалы в виде книги заклинаний у нас имеются. Желания, насколько я понимаю, нет никакого. Оно понятно, проще обидчику кулачищем в нос или дубиной по башке, чем испепелить его молнией или превратить в ледяную скульптуру, а также сходить в лавку за едой, нежели наколдовать полный стол всяческих яств. Инерция человеческого мышления и лень ума – вот что это такое. Так что, Гвен, хочешь

ты того или не хочешь, тебе придется стать магом, хотя бы для того, чтобы научиться замечать следы. Маги Гильдии ни в коем случае не должны нас схватить до тех пор, пока нам не удастся успешно разрулить ситуацию.

Оспаривать разумные доводы Шмультика Гвен не стал. Он молча подошел к железному шкафу и взял в руки тяжеленный фолиант. Затем он также молча развязал тесемки своего мешка и бережно положил книгу поверх остальных вещей. Не забыл он прихватить и свой верный меч, благо ножны удобно легли промеж лопаток юноши, и в случае необходимости его было несложно из них извлечь. Хотел также взять кольчугу и шлем, но все-таки решил отказаться от этой затеи: во-первых, лишняя тяжесть, во-вторых, в случае неожиданного нападения вряд ли успеешь ими воспользоваться.

– До восхода дневного светила остается ровно час, – не сверяясь с каким-либо прибором для измерения времени, констатировал Шмультик.

– Прав, рогатый, – взглядываясь в циферблат трофейного хронометра, удивленно покачал головой не поверивший демону на слово Гвен. – Поделись секретом, как это тебе удастся?

– Биологические часы. У любого живого существа они развиты в той или иной степени. Мы, демоны, владеем ими виртуозно и можем определять время с точностью до секунды. Кстати, пока у нас есть время, мне хотелось бы поподробнее узнать кое-что об этом мире. Давайте, парни, колитесь!

– О чем бы ты хотел узнать в первую очередь? – спросил юноша.

– Изобрази историко-географический очерк, только без лишних подробностей.

– Понятно, – задумчиво произнес молодой человек и, почесав затылок, заговорил: – Наш мир называется Тев-Хат, что в переводе с какого-то древнего наречия означает благословенная земля. Это огромное сухопутное пространство, окруженное со всех сторон Океаном. Воды Океана простираются до самого края Света и там низвергаются с огромной высоты в Безбрежный Океан, откуда потом возвращаются назад в виде осадков. Земная твердь вместе с Океаном покоятся на рогах огромного буйвола, а буйвол в свою очередь...

– Ша, паря, эти сказки мне в свое время в детском саду воспитательница читала на сон грядущий, «Космогонические представления диких народов» называются. Поскольку морально ты еще не готов принять истину как таковую, давай прокатим этот момент. Пускай до поры до времени твой мир остается на рогах у буйвола, а буйвол стоит на спине у кита, черепахи или какой другой твари. А пока расскажи, как называется эта страна, с какими государствами граничит. Каково их общественно-политическое обустройство и не находятся ли они в состоянии войны друг с другом. Короче, шпарь по наводке о том, что знаешь наверняка, и не пудри слушателям мозги насчет рогов и копыт мифических быков, твердых земных и небесных, а также прочей белиберды, о которой твои продвинутые правнуки будут говорить не иначе как с толикой здорового юмора.

– Так в умных книгах пишут, – с обидой в голосе произнес Гвен, однако последовал совету демона, решив не метать бисер мудрости перед свиным рылом выпендрилы из Преисподней, и начал рассказывать о вещах более приземленных...

Проанализировав данные, полученные от юноши, и отсортировав мусор средневековых заблуждений от истинно научных фактов, быстрый разумом демон сделал вывод, что мир, куда его занесло, представлен всего одним населенным континентом, носящим название Шуддан. Материк широкой неровной полосой, простирающейся от северной границы умеренной климатической зоны до южной границы субтропиков, опоясывал планету вдоль экватора примерно на две трети ее окружности. Столь благоприятное географическое положение обеспечивало комфортные условия проживания для всех живых существ, населяющих этот мир. К тому же отсутствие наклона оси вращения планеты практически полностью исключало смену времен года. Справедливости ради нужно отметить, что нечто напоминающее сезонные климатические флуктуации все-таки здесь имело место, но причиной этого феномена служило то, что

орбита планеты вокруг солнца обладала сильно вытянутой эллиптической формой. Поэтому по мере приближения планеты к светилу в средних широтах наступало жаркое сухое лето, которое впоследствии сменялось относительно прохладной, влажной зимой. Впрочем, не очень уж и прохладной – во всяком случае, различные злаки, овощи и фрукты произрастают здесь круглый год. Таким образом, можно было сделать вывод, что Шмультуку на сей раз несказанно повезло (если принять за везение насильственный захват с последующей транспортировкой пленника в непонятно какие дальние дали), из ледяных колымских пустынь демон угодил во вполне приличное местечко. Исчадие ада это сразу же осознало и, невежливо перебив рассказчика, громким радостным криком поспешило выразить свой восторг:

– Класс, Гвен, да здесь же самое настоящее Сочи!

– Что еще за Сочи? – недовольным голосом спросил юноша. – Насколько мне известно, места с таким названием нигде поблизости нет.

– Сочи – это чудо, там мечтают жить все умные люди, даже поговорка такая существует: «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи». Сам я, правда, там ни разу не был, но от бывалых людей доподлинно знаю, что Сочи – лучшее местечко на Земле, в котором после отсидки стремится оказаться каждый уважающий себя зэк. Сочи – это море, солнце, белые панамы и темные ночи...

– А... если дело только в этом. – Гвенлин понимающе возвел очи к потолку пещеры. – Тогда здесь точно Сочи: море в десяти верстах, через пару месяцев здесь будет столько солнца, что тебе, рогатый, плохо станет, насчет белых панам осмелюсь тебя разочаровать – у нас все предпочитают широкополые соломенные шляпы, а вот темные ночи я тебе гарантирую в достатке.

– Хватит издеваться над святыми для каждого зэка понятиями! – Правильно оценив явно иронический подтекст вышесказанного юношей, Шмультук слегка обиделся и поторопился перескочить на другую тему: – Насчет Сочи проехали. Валяй, рассказывай дальше! Что это за государство? Какие соседи его окружают? Короче, ты понял.

– Страна эта зовется Рангут, точнее, Рангутский Союз. Только не страна это вовсе, а ассоциация равноправных торговых городов. Рангут – всего лишь один из них. Союз носит его имя лишь по одной простой причине, что именно там был подписан договор об объединении. Лет двести или триста назад главы двух десятков приморских городов-государств решили создать торгово-промышленный союз для упорядочения экономических отношений, как между собой, так и с третьими странами, а также для борьбы с многочисленными пиратами...

– Во шпарит... как по писаному! – высказал вслух свое искреннее изумление магический корень. – И с чего это хозяин тебя всегда считал безнадежным тупицей?

– Заткни пасть, женьшень недоделанный! – Было по всему заметно, что, напомнив о покойнике, Мандрагор щедро сыпанул очередную порцию соли на еще не зажившую душевную рану молодого человека. – А не с твоей ли подачи на мою несчастную голову постоянно обрушивались магические щелчки и подзатыльники?

Поняв, что малость переборщил с комплиментом, корень быстро сместился с плеча юноши за спину, где и затаился, уцепившись своими корешками-лапками за ворот его куртки.

– Ты, паря, особо не переживай! – демон поспешил утихомирить не на шутку разошедшегося Гвенлина. – Один очень мудрый зэк в свое время говаривал: «Все болезни от нервов». А этого лицемерного фарисея мы с тобой как-нибудь перевоспитаем. Тот же самый заключенный утверждал, что если человек – козел, то это диагноз, значица, будем его дружно лечить. – И, обратившись к Мандрагору, громко спросил: – Понял, козлиная морда?

Из-за спины бывшего ученика чародея донеслось невнятное: то ли «понял», то ли «сам козел». Уточнять Шмультук не стал, ибо одно из древнейших лагерных изречений гласит: «Меньше знаешь – чище совесть», а этот фактор в жизни каждого заключенного играет немаловажную роль: и сон крепче, и на свободу, как известно, с запятнанной совестью не выпус-

кают. Вместо того чтобы тут же учинить разборку с излишне прытким корнем, демон попросил Гвена продолжить свой увлекательный экскурс в общественно-политические сферы жизни малознакомого ему мира.

– Итак, давным-давно, никто уже и не помнит, когда точно, все более или менее значимые города западной окраины Шуддана объединились и в кратчайшие сроки навели порядок в многочисленных морях и заливах, омывающих эту часть материка. Некоторые сопредельные государства отнеслись весьма подозрительно к новому соседу и всячески пытались воспрепятствовать усилению его влияния в регионе. В конце концов, после десятилетий кровопролитных войн и подковерных интриг Рангутский Союз доказал всему миру свое бесспорное право на существование. В настоящее время у нас со всеми полное замирение. Поговаривают, правда, что недавно между рангутскими торгашами и королем Ингерланда черная кошка пробежала. Будто бы ингерландского посла городские ландскнехты обобрали до нитки, повозили физиономией по брусчатке и не извинились. Впрочем, другие утверждают, что посол этот сам виноват – по пьяной лавочке оскорблял непотребными словами и неприличными жестами людей при исполнении, за что и заработал по полной...

– Это он зря с ментами связался, да еще по пьяни, – не удержался от комментария бывалый зэк. – Мусора народ весьма самолюбивый и обидчивый – чуть что, сразу промеж рогов и в кутузку.

– По причине случившегося конфуза, – проигнорировав реплику демона, продолжал Гвен, – граница между двумя государствами временно закрыта и всякое общение приостановлено...

– Только шастают через нее туда-сюда все, кому не лень. – Из-за могучего плеча юноши показалась любопытная сморщенная мордашка «недоделанного женьшеня» и, непонятно по какой причине понизив громкость голоса до еле слышного шепота, задала вопрос Гвену: – Помнишь, наемни один мужик в гости к хозяину наведывался, Ульрихом кличут?

– Ну, помню, а что?

– Что, что! Так вот этот самый Ульрих аккурат с той стороны и приходил. Передал хозяину какой-то сверток, тот ему за него полный кошель золотых монет оттопырил... – И тут магический корень неожиданно встрепенулся, наконец-то поняв причину пропажи денег из сейфа, затем громко и жалобно заголосил: – Так вот куда все денежки ушли! А бедному Мандрагору в дороге теперь не на что будет даже хорошего сыру купить! Питайся с вами, чем хочешь...

– Хватит канючить, как чушок перед лагерным авторитетом! – в резкой форме Шмультик положил конец причитаниям корня. – Говоришь, с той стороны приходил? Значит, граница где-то рядом или я ошибаюсь?

– Точно, Шмуль! – подтвердил заметно повеселевший юноша, до его понимания сразу же дошел смысл задумки хитроумного демона. – Если двигаться трактом, к вечеру можно вполне успеть добраться, а коли по лесу тайными тропами – уложимся к обеду следующего дня.

Глава 4

Достигнув на небосводе апогея, дневное светило щедро изливало на мир свою благодать. Даже под сенью деревьев было нестерпимо душно. Полуденная жара вынудила замолчать бесчисленный птичий хор, ублажавший с самого раннего утра слух всякого индивидуума, пожелавшего совершить прогулку в чаще леса. Изнуренные духотой травоядные, а также их извечные оппоненты-хищники, забыв о необходимости добывать пропитание, разбрелись по сырým и темным лощинам или залегли в своих норах, чтобы там переждать самое жаркое время суток. Лишь насекомые не обращали никакого внимания на жару и зной и продолжали не покладая рук (если, конечно, так будет уместно выразиться в отношении этих божьих тварей) свою безостановочную суету. На лесных полянках бабочки всех цветов и оттенков порхали над не менее пестрыми цветами, размышляя, по-видимому, в каком из них нектар окажется особенно вкусным и ароматным. Круглоголовые стрекозы сновали взад-вперед на своих переливчатых крыльях по делам, ведомым лишь им одним. Трудяга шмель, тяжело садясь на цветок, пригибал его головку почти до самой земли. Казалось, после того как мохнатый гость, выполнив свое предназначение, поднимался в воздух, растение издавало негромкий вздох облегчения. Между корнями деревьев проложили тропы лесные муравьи и теперь тащили по ним на выносливых плечах все необходимое для выживания и процветания своей дружной коммуны.

Занятые делами лесные труженики не обращали никакого внимания на бредущую по лесу странную троицу. На самом деле передвигались на своих двоих лишь двое. Третий – высушенный корень мандрагоры лекарственной, – помигивая черными глазками-бусинами, восседал на плече у здорового парня ростом не меньше трех аршин. Рядом с этим светловолосым сероглазым верзилкой, одетым в обычное одеяние небогатого горожанина, вышагивал расфранченный тип цыганистой наружности, росточком аж на полторы головы ниже своего спутника. Мало того, что плутоватые глаза доброго молодца были разного цвета: один зеленый, словно высококачественный изумруд, добытый и ограненный гномами в горном массиве Паэли, другой синий, будто утреннее небо в холодных приполярных широтах, откуда ватаги отчаянных сорвиголов привозят ценный рыбий зуб и шкуры морских выдр, весь он был какой-то вертлявый, беспокойный. Когда путешественники вышли на обширную лесную поляну, гигант громко на всю округу объявил:

– Все, нет больше мочи тащиться по этой преисподней! Объявляю привал! Располагаемся вот под этим дубом! – И с этими словами Гвенлин (а это, как вы, наверно, уже догадались, был именно он) сбросил с плеч увесистый рюкзак.

– Нашел преисподнюю, – усмехнулся Шмультик. – Да твой мир в подметки не годится моей любимой Родине.

– И чем же она так хороша? – поинтересовался Мандрагор, успевший ловко спуститься с плеча юноши на землю.

– Трудно что-либо объяснить существу, которому ни разу не довелось посетить мир Инферно, или, как вы, люди, его пренебрежительно называете, – Преисподнюю. Разве можно описать тот манящий свежестью запах сернистого ангидрида, источаемого кальдерой вулкана? А пляски саламандр в брачный период на самом стрежне лавовых потоков? Вам не понять того блаженства, которое испытываешь, когда на твоих глазах зарождается вулкан, коему, может быть, суждено стать очагом новой жизни. Да будет вам известно, мы, демоны, появляемся из ласковых струй подземного огня путем слияния двух начал, брошенных туда нашими будущими родителями. Мама... милая мама, как давно твой глупый сын не припадал губами к твоей ласковой руке...

Гвенлин по своей натуре не был никогда ни злым, ни черствым человеком. Он подошел к готовому расплакаться демону и, положив ему на плечо свою тяжеленную лапищу, принялся успокаивать компаньона:

– Кончай, Шмультик! Только не реви! Когда кто-нибудь плачет, внутри меня все переворачивается, тогда я и сам готов расплакаться за компанию. Давай лучше малость перекусим, а потом ты нам поведаешь, каким образом тебя занесло в эту... ну, как ее?... дай бог памяти... а, вспомнил!.. Колыму.

– Сначала была Воркута с ее угольком, – уточнил демон. – Затем Карлаг – урановые рудники, лишь потом солнечный Магадан. Хорошо, Гвен, как только подхарчимся, поведаю тебе о своих мытарствах, все равно топать по такой жарнице в этой телесной оболочке ни у тебя, ни у меня особого желания не возникает, то ли дело мой первозданный образ, но в нем я бы здесь попросту окочурился от холода.

Сказано – сделано: через пять минут на чистой тряпочке, расстеленной под тенистой дубовой кроной, лежала парочка караваев, шмат просоленного с чесночком сала, кусок сырокопченой колбаски, три вяленых леща, парочка луковиц и приличный кусок козьего сыра. Главным украшением «стола» служил глиняный кувшин, заботливо извлеченный Гвенлином из своего рюкзака.

– Учитель называл этот напиток нектаром, – пояснил бывший ученик чародея. – Изготавливал он его магическим способом из яблочного вина: бочонок сидра – полведра нектара. Попробуйте, не пожалеете.

Плеснув напиток в три оловянные кружки, себе и демону побольше, Мандрагору совсем на доньшке, молодой человек плотно закупорил емкость и убрал ее в мешок. Магический корень попытался возмутиться при виде смехотворности отмеренной ему порции выпивки, но Гвен ухмыльнулся и на требование Мандрагора уравнивать его в правах с остальными членами экспедиции лишь заметил:

– Хоть ты и числился в любимчиках у Моргелана, но нектаром он тебя ни разу не побаловал, а мне пару раз удавалось увести у него из-под носа кувшинчик-другой, и я очень хорошо знаю, как это пойло действует на неподготовленные головы излишне самоуверенных выпивох. Поэтому сначала выпей, сколько предлагают, добавки после попросишь, если пожелаешь, конечно. – И, взяв кружку в руку, громко произнес тост: – Ну, значит, за знакомство и за успех предприятия!

Человек и демон лихо опрокинули внутрь каждый свою порцию выпивки. Подозрительный корень, приняв к сведению информацию по поводу крепости напитка, сначала понюхал его и, не унюхав ничего опасного, последовал примеру остальных – единым глотком влил в себя содержимое своей кружки.

– Во пала! – восхищенно воскликнул Шмультик, размазывая ладонями по щекам непрощенные слезы. – Из яблок, говоришь, гнал?... Это даже не кальвадос – чистейший спирт. Теперь мне по-настоящему жалко старикана – его лишь за одно это умение не запаadlo на руках до гробовой доски носить даже туда, куда сам царь-государь пешком ходит!

– Крепка, зараза! – только и успел сказать корень и, зажмурившись, обхватил двумя отростками-конечностями свою бесформенную голову. – Будто по темечку молотком звезданули со всего размаха.

– Во-во, – назидательно покачал головой Гвен, – а ты все: «Мало, мало!» Вот тебе и мало.

Прием внутрь горячительного напитка оказал самое благотворное влияние на разгулявшийся аппетит путников. Все дружно набросились на еду, и через четверть часа на импровизированном столе не осталось ни крошки. Пока Гвен и Шмультик набивали брюхо хлебом с салом и колбасой, Мандрагор быстро справился с куском сыра размером раза в три больше самого корня, чему откровенно подивился демон:

– Ну ты и здоров жрать, кореш! Поделись секретом, как тебе удается запихнуть в себя столько? По всем законам природы, ты сейчас должен быть похож на надутую резиновую перчатку, а ты даже в объеме ничуть не прибавил...

– А чего это ты мне в рот заглядываешь?! – возмутился изрядно окосевший от выпитого Мандрагор. – Сам-то сколько сала слопал? А бедному корню, выходит, теперь и червячка заморить нельзя!..

– Не ерпенься, приятель, – демон обезоруживающе улыбнулся, – обидеть тебя я вовсе не помышлял – спросил так, для общего развития.

– То-то же, – мгновенно успокоился магический корень и, погладив себя по «животу», заразительно зевнул. – Пожалуй, вздремну-ка я малость. Ежели надумаете идти дальше, толкнете, но не грубо, и разговаривайте, пожалуйста, потише! Понял, Гвен?

– Может быть, нам по очереди отгонять от тебя веточкой мух? – ехидно поинтересовался юноша.

– Было бы, конечно, неплохо, – приняв слова Гвена за чистую монету, слабеющим голосом ответил Мандрагор и тут же, закрыв глазки, принялся выводить носом затейливые рулады.

– А ты вздремнуть не желаешь? – демон обратился к изрядно осоловевшему юноше. – Все-таки ночка у тебя выдалась весьма беспокойная. Давай-ка, братан, поспи малость, а я пока на шухере постою.

– Не, Шмуль, не приучен я спать днем – башка после сна раскалывается: то ли таково особенное свойство моего организма, то ли старый колдун чары на меня наложил, чтобы поменьше отдыхал, а побольше работал. Представь, стоит мне среди бела дня прикрыть на минуту глаза, как такая катавасия начинается, аж волком вой, будто перед сном бочонок браги выпил. Пробовал опохмеляться – не помогает. Поэтому я уж лучше до темноты потерплю, а ты, если хочешь, можешь вздремнуть часик-другой, все равно трогаться раньше не имеет смысла – сомнеем от жары.

– Премного благодарен за предложение, но мы, демоны, в отличие от людей и прочих разумных гуманоидов, в отдыхе практически не нуждаемся, поскольку обмен веществ внутри наших организмов имеет совершенно иную природу. Впрочем, не стану засорять твои мозги терминами, до которых ваша цивилизация дорастет лет эдак через пятьсот-шестьсот, а может быть, и значительно позже.

– Отлично, – встрепенулся Гвен, – поскольку тебе спать не хочется, а мне противопоказано, валяй, рассказывай о своих похождениях, страсть как люблю слушать увлекательные байки.

Подложив под головы ладони, путники прилегли на мягкую травку, и Шмультик начал свой невеселый рассказ:

– Да будет тебе известно, Гвен, родился я сто семь лет назад, если считать по времени этого мира, в реальности, которую вы, люди, по причине своей ограниченности и врожденной ксенофобии, именуете Преисподней, Адом, Геенной Огненной и иными неблагозвучными словечками. На самом деле мой мир называется Инферно, или Инферналиум, и живут в нем такие же разумные создания, как и в любом другом. Единственная наша беда заключается в том, что обитатели Инферналиума весьма продвинуты в магии и, кроме того, пространственно нестабильны. Поясню свою последнюю мысль. Представь себе, что ты живешь в своем мире Тев-Хат, общаешься с друзьями, любишь девушек, занимаешься каким-нибудь полезным делом, и вдруг какой-то заднице где-то за тридевять миров взбрело в голову, что ты и только ты один способен решить все его проблемы. Нет, он не мчится сломя голову к тебе в гости, чтобы попросить о помощи. Вместо этого он идет по пути наименьшего сопротивления: чертит на полу звезду, заключает ее в окружность или пятиугольник, ставит по углам пять свечей или других, неважно каких, источников открытого огня, произносит заклинание, и нате вам результат – страшное демоническое существо, исчадие ада и прочее, прочее в полном его распоряжении...

– С какой это стати кто-то станет называть меня исчадием ада? – Легкоранимую душу юноши явно задело то, что его, такого симпатичного, кто-то посмеет обзывать столь нелестными эпитетами. – Ладно ты, Шмуль, точнее, та образина, которой ты был до того, как превратился в цыгана, с такой не обидно, когда тебя величают исчадием...

– Вот-вот, и ты туда же. Всякое непонимание рождает подозрительность, подозрительность влечет за собой страх, страх, в свою очередь, вызывает ненависть, и так далее со всеми вытекающими последствиями вплоть до хорошего мордобоя. А тебе никогда не приходило в голову, что такой красавчик, как ты, может одним своим видом кого-нибудь испугать до смерти? С другой стороны, во всем многообразии вселенных есть существа, коих отвратительными никак не назовешь, а опасны они бывают похлеще всех, вместе взятых, исламских террористов, анархистов и антиглобалистов...

– Что за звери? – с явным интересом спросил молодой человек. – О таких никогда не слышал.

– Лучше о них вообще не знать, – с явным оттенком превосходства в голосе заметил демон. – Это все из того мира, где я бездарно потерял семьдесят с лишним лет. Упаси Создатель ваш мир от нашествия подобной напасти.

– Слышь, Шмуль, вот ты сейчас произнес имя Всеблагого, почему тебя тут же не поразила кара небесная? Жрецы в каждой проповеди, перекрикивая друг друга, проклинаят ваше племя. Будто бы кто-то из твоих предков когда-то посмел поднять свою когтистую лапу на самого Создателя, и по этой причине наглец и вся его родня были Всевышним низвергнуты в пучину ада...

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялся демон. – Какое там низвергнуты? Какая пучина ада? Чушь все это собачья. Вашим жрецам нужен враг, от которого они вас якобы защищают. Вот они и наплели всяческих историй жуткого содержания про плохих демонов, чтобы ты и тебе подобные доверчивые придурки не жалели денежных пожертвований и не ограничивали жизненный уровень так называемых слуг господних. На самом деле демоны, как и все прочие разумные существа, чтят Создателя, только без всякой излишней материальной подоплеки. Сам подумай: зачем существу всемогущему нужен какой-то полуграмотный посредник? Он же не Интернет, в конце концов, для которого всякие провайдеры и модераторы необходимы как воздух. Еще один логичный вопрос: если ты обратишься к какой-нибудь толстой заднице, объявившей себя посредником между Богом и людьми, с просьбой о помощи, что он первым делом сделает?

– Ну как чего? – Гвен почесал затылок и тут же ответил на поставленный вопрос: – Протянет лапу за подношением. Бесплатно не обслужит ни за что.

– Вот то-то и оно! – Шмультик, приподняв голову, торжествуя поспешил посмотреть на юношу: – А зачем, спрашивается, Всеблагому твои бабки?.. Поэтому, мой дорогой друг, Бог должен быть в душе, а все остальное: златоглавые храмы, сверкающие одежды и прочая атрибутика – от Лукавого.

– А может быть, ты и есть тот Лукавый и сейчас стараешься ввести меня в искушение? – подозрительно спросил Гвенлин. – Насчет Святой Церкви и моих религиозных воззрений прошу заткнуть пасть, если, конечно, не желаешь нарваться на мой кулак.

– Вот она, ограниченная тупость – источник религиозного фанатизма, – обиженно проворчал «Лукавый» и продолжил свой рассказ: – Первые тридцать с лишним лет моей жизни были сплошной идиллией: ясли, детский сад, первая ступень начальной школы – короче, все вполне обычно, как бывает у любого среднестатистического гражданина Инферналиума. Мы, демоны, медленно взрослеем, зато долго живем. Тридцать лет для человека – огромный срок, в течение которого он превращается в зрелого мужчину. Для демона возраст три десятилетия – пора раннего детства и период начального становления личности, а весь цикл от рождения до полного взросления протекает не менее двух сотен лет. Пока мы недостаточно сформированы

и не можем постоять за себя, нас держат в специально защищенных от постороннего магического воздействия местах, где заботливые воспитатели и мудрые учителя готовят молодое поколение к суровым реалиям жизни. Сам понимаешь, Гвен, где дети, там и шалости. Вот и я, юный самоуверенный засранец, поспорил со своими сверстниками, что смогу выбраться за тщательно охраняемый магическими заклинаниями периметр, ограничивающий территорию школы, немного погулять на свободе, а затем целым и невредимым вернуться обратно.

Как видишь, мне это вполне удалось, точнее, первая часть моего плана. Однако, едва только я оказался вне охранной зоны, меня тут же зацапала и перетащила в иное измерение какая-то неведомая сила. Как потом выяснилось, в одну из заполярных исправительно-трудовых колоний мира, носящего название Земля, по лживому обвинению в антисоветской деятельности попал некий тип, довольно успешно занимавшийся оккультными исследованиями и достигший в этой области знаний заметных результатов. Этот человек решил получить свободу посредством магии, а точнее, призвав себе на помощь инфернальное существо. К великому его разочарованию, вместо полноценного демона седьмого или даже восьмого уровня посвящения этим существом оказался я – по сути, еще несмышленный ребенок, практически не развитый в магическом плане. Представь, Гвен, как этот парень умолял помочь ему, даже душу свою бессмертную предлагал, только бы выбраться на волю и куда-нибудь подальше от границ нерушимого союза республик свободных. Но что я мог поделать? Транспортную магию изучают лишь по достижении третьей ступени совершенства. Даже обеспечить его едой я не мог, поскольку основы материализации только начал постигать в школе и не достиг даже первой ступени мастерства. Короче, доморощенному чародею крупно не повезло. Воплотить в жизнь его мечту о светлом будущем в цивилизованном капиталистическом обществе я оказался не в состоянии. Однако хитроумный тип, со свойственной лишь человеческой расе изворотливостью, все-таки придумал, каким образом с наибольшей выгодой для себя выйти из сложившейся трагикомической ситуации. Этот гад зачислил меня в стахановцы и послал вместо себя в забой, давать стране угля. Благодаря врожденным способностям к мимикрии и маскировке мне было проще простого водить лагерное начальство за нос, зарабатывая дополнительную пайку для этого героя лагерного труда, который к концу своего срока опух от беспробудного сна. Самому-то мне пришлось жрать уголек, благо этого добра вокруг валялось в избытке. Классная, скажу, штука этот воркутинский уголь, по сравнению с кузбасским антрацитом – чистый мед. Казалось бы, органика – она и в Африке органика: что уголь, что полено, что ягель – все одно вкуснятина, а не тут-то было... Впрочем, я, кажется, малость отвлекся, – забеспокоился демон и повернул голову в сторону Гвенлина, чтобы оценить реакцию подозрительно затихшего слушателя.

Опасения Шмультика оправдались полностью. Гвен, невзирая на реальную перспективу заработать невыносимую головную боль, дрыхнул сном праведника. Время от времени какая-то приставучая мошка садилась ему на кончик носа, в этом случае его физиономия корчила такие уморительные рожицы, коим позавидовали бы заезжие балаганские актеры, раз в три недели дающие искрометные представления на главной площади Чумазовой Люди. Некоторое время демон молча любовался пляской мимических мышц на лице незадачливого ученика чародея, затем, набрав полную грудь воздуха, заорал во всю свою луженую глотку:

– Лагерь па...адье...ем! – И добавил уже спокойным голосом: – Жара немного спала. Пора трогаться...

Дальнейшее продвижение беглецов в этот день не омрачилось никакими особенными приключениями. Идти, конечно, было тяжело, поскольку под лесным пологом парило, как в бане. К своему великому удивлению, Гвенлин обнаружил, что после дневной спячки его голова не раскалывается, как обычно, и чувствует он себя очень даже превосходно.

– Какое это все-таки счастье, друзья, – воскликнул юноша, – иметь возможность вздремнуть после обеда! Проклятый колдун – сам-то любил прищемить подушку, а своего ученика

держал в черном теле. Впрочем, тебе, Шмуль, не понять, ты у нас особенный, поскольку сон тебе без надобности...

В это время идущий впереди демон сначала отогнул, а затем неловко отпустил преградившую дорогу ветку орешника, в результате чего задремавший на плече у Гвена Мандрагор был сметен хлестким ударом и отправлен в продолжительный полет в направлении лесных кущ. Визжащего от ужаса пострадавшего тут же спасли, отряхнули от всякого мусора, налипшего на его морщинистое тельце, и водрузили на место. Однако визгливые недовольные выкрики, адресованные «невнимательному дылде», «мандрагороненавистнику» и «беспардонному дровосеку», еще долго оглашали близлежащие окрестности, приводя в несказанное смущение местное зверье и птиц.

Когда корень понемногу пришел в себя и замолчал, демон как бы между прочим спросил у него, почему тот назвал его «беспардонным дровосеком».

– Не люблю я этих мордovorотов, – потешно, словно от кислого, сморщил свою мордашку магический корень. – Вваливаются в лес с пилами и топорами, братьев моих крушат, после себя одни головешки оставляют. Дерьмовый народ эти дровосеки, помяни мое слово, Шмуль.

Кроме этого незначительного инцидента, как уже было сказано выше, ничего особенного с нашими путешественниками не произошло.

Глава 5

Примерно за час до наступления темноты троица вышла на свободную от древесной растительности, поросшую густой сочной травкой пойменную долину довольно широкой реки. Гвенлин, возложивший на свои широкие плечи функции начальника экспедиции, сбросил рюкзак на землю, не дойдя полутора десятков шагов до кромки водной поверхности, и объявил во всеуслышание:

– Все, друзья, сегодня ночуем здесь, форсирование водной преграды откладывается до завтрашнего утра.

– А что это за река? – поинтересовался демон.

– Арлей, – пропищал Мандрагор, – река хоть и не особенно могучая, но достаточно коварная. Славится обилием омутов и, соответственно, всякой нечистью, в них обитающей...

– Да ладно тебе, корень, пугать человека... то есть Шмультика бабушкиными сказками про русалок, водяных, унди и прочих тварей! – громко рассмеялся Гвен. – Боевые маги здесь все уже давно прошерстили как следует и оставили от этих страшных созданий одни воспоминания. В наше просвещенное время, если захочешь познакомиться с какой русалочкой или ундиной, придется забраться в такие дебри, что всякая охота устраивать подобные randevu напрочь отпадет.

– Тоже мне эксперт нашелся, – обиженно проворчал магический корень, но спорить дальше не стал...

Совместными усилиями молодой человек и демон быстро заготовили целую гору дров. Для этого им не пришлось тащиться в лес – высушенного плавника валялось на песчаном речном пляже вполне достаточное количество даже для того, чтобы обеспечить дровами целую армию, и не на одну ночевку. К тому моменту, когда тьма целиком овладела этой частью мира Тев-Хат, над успевшим прогореть костром висел, попыхивая паром, изредка брызгая содержимым на раскаленные угли, черный от копоти объемистый медный котел. Время от времени Гвен подходил к котлу и, приподняв крышку, снимал пробу своей огромной деревянной ложкой. Если что-то его не устраивало, он залезал в рюкзак и вытаскивал оттуда очередной полотняный мешочек и отсыпал часть его содержимого в булькающее варево.

Шмультик и Мандрагор сидели в сторонке и зачарованно наблюдали за манипуляциями Гвенлина. Запах от котла шел такой, что зрители то и дело нервно сглатывали слюну, но потопить кудесника, дабы тот хоть чуть-чуть ускорил процесс, никто из них не решился.

Наконец из уст поварских дел мастера прозвучала долгожданная команда:

– Еда готова, господа! Добро пожаловать к костровому каждый со своей миской! Только, чур, не драться – супчику на всех хватит...

После того как Гвенлин и Шмультик с аппетитом умяли по паре тарелок вкусного варева, а безразмерный Мандрагор всем присутствующим на удивление умудрился впихнуть в себя аж целые три полноценные порции, путешественники откинулись на травку и дружно уставились в звездное небо. Каждый думал о своем. Гвенлин с грустью и некоторой долей сожаления вспоминал беззаботное житье-бытье под крылышком чудаковатого, но по сути доброго колдуна. Тем не менее он со свойственным всем молодым людям оптимизмом смотрел в будущее, не допуская даже малейшей вероятности того, что оно может обернуться для него мрачной реальностью. Перед мысленным взором демона с невероятной скоростью проносилась, как на киноэкране, летопись его нелегкой жизни. В основном это был черно-белый фильм ужасного качества, будто пленку хранили где-нибудь в сыром подвале, а потом пересушили, в результате чего слой фотоэмульсии начал сам по себе осыпаться. Иногда, очень и очень редко, на грязно-сером фоне лагерной действительности мелькал шальной кадр, до краев заполненный всеми оттенками солнечного спектра. Это означало, что в его жизни произошла встреча с кем-то по-

настоящему интересным. Однако в отличие от демонов люди в лагерях долго не живут, и всякая радостная встреча для Шмультика в конце концов заканчивалась очередным разочарованием. И вновь все та же бесконечная, изрядно облупившаяся пленка, будто только что извлеченная из необъятных хранилищ Госфильмофонда для реставрации. О чем думал Мандрагор, он и сам вряд ли смог бы рассказать, поскольку по своей сути был существом-однодневкой, то есть никогда не планировал свою жизнь далее чем до ближайшего приема пищи или сна. Волшебный корень возлежал на травке и тупо пялился на мигающие звезды, постепенно погружаясь в состояние сонного транса.

– Слышь, Шмультик, напомним, чего ты там рассказывал о пространственной нестабильности твоих соплеменников и чем вызван сей феномен?

– Да ладно тебе, Гвен, можешь не оправдываться и не подмазываться. За то, что ты заснул во время моего рассказа, я на тебя ничуть не обижаюсь. Да и кому на всем белом свете интересно услышать о том, как один несчастный демон по имени Ши-Муль-Алан-д-Тик рубил кайлом уголек, коим потом сам и питался, или о том, как его не менее дюжины раз проигрывали в карты и он вынужден был вслед за своим новым хозяином отправляться по этапу на очередную зону, расположенную на другом конце необъятной Страны советов. Давай-ка, юноша, я тебе лучше спою одну песню. Задумчивая, нравится она мне очень.

Шмультик присел на травке, в его руках откуда ни возьмись появился странный инструмент, по форме напоминающий лютю, отличающийся от нее необычным корпусом с двумя глубокими выемками и плоскими деками. Инструмент имел шесть струн, регулируемых миниатюрными металлическими колками, расположенными на конце грифа.

– Гитара, – пояснил демон, – там, откуда вы с вашим учителем меня вытащили, весьма популярный музыкальный инструмент.

Шмультик немного потренировал струнами, подкручивая колки, и, настроив инструмент, запел негромким задумчивым голосом:

День и ночь над тайгой завывают бураны,
Крайний Север суров, молчалив и угрюм.
По глубоким снегам конвоиры шагают,
Неизвестно куда заключенных ведут.

Их на север ведут за отказ от работы,
Среди них доктора, кузнецы и воры,
Чтоб трудились они до десятого пота,
Вдалеке от любимой, от зари до зари.

Красноярское небо над оставленной трассой.
За голодным этапом волчьи стаи идут.
«Ненаглядная мама, что за дяди в бушлатах
В оцепленье конвоя все бредут и бредут?»

«Это разные люди, что сражались в Карпатах,
Защитили детей, стариков и тебя.
Это дети России, это в прошлом солдаты,
Что разбили геройски под Рейхстагом врага».

День и ночь над тайгой завывают бураны,
Крайний Север суров, молчалив и угрюм.
По глубоким снегам конвоиры шагают,

Неизвестно куда заключенных ведут.

После того как отзвучал последний аккорд печальной музыкальной темы, демон положил гитару на травку. Гвен, вскочив на ноги еще до окончания первого куплета, молча смотрел в огонь. Ему, жителю иного измерения, никогда до конца не понять, что за трагедия скрывается за незатейливыми, где-то даже примитивными рифмами, сложенными давным-давно неизвестным лагерным поэтом. Однако, поскольку этому парню не было чуждо слово «сострадание» и он не из рассказов добрых людей знал, что такое голод, жажда, боль и душевные муки, Гвен на физическом уровне ощутил, насколько плохо было тем людям. Наконец юноша отвел глаза от пляшущих огненных языков и задал вопрос демону:

– Это были свободные люди?.. Да?.. Их продали в рабство и послали зачем-то в холодные земли?

– В общем-то, правильно, – кивнул головой Шмультик. – Только в той стране в то время вообще не было свободных людей.

– Разве так бывает? – удивился Гвен.

– Еще как бывает, – сверкнул в темноте фиксой демон, – но тебе об этом лучше не знать. Давай-ка, паря, отправляйся спать, а я подежурю до утра. Можешь не сомневаться, я не засну на посту, поскольку, как я тебе уже говорил, демоны в отдыхе не нуждаются, даже находясь в примитивной человеческой оболочке.

По складу характера бывший ученик чародея был парнем сговорчивым, особенно в тех случаях, когда в качестве альтернативы предлагалось нечто весьма выгодное для него самого. В этом случае он никогда не спорил и легко шел на уступки. Вот и сейчас он не стал возражать, а с удовольствием уронил свое могучее тело на заранее заготовленный для этой цели ворох травы и уже через пару минут сладко посапывал.

Шмультик подобрал топлива в костер, обошел по кругу территорию лагеря, оставляя за собой огненный след охранного заклинания. Замкнув пылающий зеленую круг неопалимого огня, он вернулся к костру, взял в руки гитару и начал что-то наигрывать потихоньку, чтобы не разбудить товарищей...

...Гвенлин в черных доспехах на могучем коне цвета воронова крыла находился на вершине крутого холма. Поднеся руку в железной перчатке к приподнятому забралу, чтобы едва показавшееся из-за горизонта утреннее солнце не слепило глаза, он пристально вглядывался в шевелящиеся клубы густого тумана, скрывавшего от его взгляда, что творилось внизу, у подножия возвышенности. Но разглядеть что-либо пока не представлялось возможным. До слуха юноши доносились какие-то загадочные звуки: то ли тяжелое хриплое дыхание какого-то невероятного огромного существа, то ли дружный вдох и выдох десятков рабов-галерников, прикованных цепями к веслам. Гвен знал наверняка – в плотных клубах тумана скрывается враг, но что именно он из себя представляет, для молодого человека оставалось пока неразрешимой загадкой. Однако он был уверен, что долго мучиться в неведении ему не придется – солнечный диск стремительно поднимается по лазоревой тверди небесной сферы, и совсем скоро его лучи коснутся молочной субстанции, шевелящейся далеко внизу под ногами, и разгонят непроницаемую для глаза дымку. Вскоре именно так и случилось. Дневное светило поднялось над горизонтом на достаточную высоту, и его лучи быстро навели порядок в долине – буквально испарили густые молочные клубы, открыв взору юноши довольно странную картину происходящего.

А посмотреть было на что. У самого подножия холма стояла огромная, ростом со взрослого дракона, тварь, из тех, что могут привидеться лишь в кошмарном сне или родиться в нездоровом сознании сумасшедшего. Тело монстра – червеобразный извивающийся отросток – покоилось на двух тонких лапах, напоминающих ножки кузнечика. Еще четыре хватательные лапки росли из верхней половины червя. Однако отвратительный облик чудовища не был

бы столь пугающим, если бы не одна весьма существенная деталь: верхнюю часть червеобразного отростка венчала до боли знакомая голова учителя. Если присмотреться повнимательнее, это была не совсем голова Моргелана, точнее, голова-то его, но мастерски трансформированная под внешний облик чудища так, что не казалась чем-то инородным, чуждым сущности монстра. Огромное тело равномерно вспухало и опадало, пропуская через себя гигантские объемы воздуха, необходимого для обеспечения столь массивной туши кислородом. Теперь юноше стало понятно, откуда исходил тот странный звук. Заметив стоящего на холме Гвенлина, тварь всем корпусом подалась вперед, так что голова бывшего учителя оказалась почти у самой земли, и громко зашипела:

– А... Гвен! Убийца Гвен! Пришел навестить своего учителя? Рад, несказанно рад! Сейчас ты последуешь за мной в царство мертвых, где мы с тобой продолжим твоё обучение. Ты готов, мой мальчик?

– Ещё чего захотел, старый хрыч! А вот этого не желаешь попробовать? – грозя копьем, заорал что есть мочи бывший ученик и сам тут же подивился своей смелости. Исходя из сложившейся ситуации, Гвен должен был сейчас во весь опор уносить свою молодую задницу вместе с прочими частями тела как можно дальше от этого жуткого места. Какой урон он мог нанести страшному монстру своим скромным оружием? Что есть его копье против фантастической мощи чудовища – все равно что зубочистка против лесного хищника и не более того. Поговаривают, что и зубочистка в руках мастера может стать смертельным оружием, но для этого нужно самому быть мастером. Гвенлин все это прекрасно понимал, но он также осознавал и то, что бежать ему просто некуда. В любой точке мира Тев-Хат эта помесь насекомого и червя рано или поздно обязательно найдет его и вынудит принять бой. Откуда исходила эта уверенность, юноша сказать не мог, но доподлинно знал, что это именно так. Поняв и приняв эту истину на уровне подсознания, он отгнул прочь все свои страхи и твердо решил драться.

Опустив забрало, всадник поднял копье на уровень груди, пришпорил своего четвероногого друга и, наращивая скорость, помчался вниз по склону холма навстречу изготовившемуся для атаки монстру...

– ...Гвенлин, Гвен, скорее просыпайся! – Не успев доскакать до кошмарного создания, юноша услышал чей-то обеспокоенный шепот. – Просыпайся побыстрее! Здесь такое творится...

Несмотря на свою любовь крепко поспать, свойственную, впрочем, практически любому человеку его возраста, Гвенлин был скор на подъем, особенно когда дело касалось вопросов безопасности. Он мгновенно и не без облегчения вырвался из объятий кошмарного сновидения. Схватив Шмультика за плечо, зажал ладонью ему рот и, не открывая глаз, еле слышно прошептал в ответ:

– Все, Шмуль, я проснулся. Прекрати горланить прямо мне в ухо. Рассказывай, что тебя так напугало.

– Тут такие дела – в двух словах не расскажешь. Посмотри сам, что на реке творится. Пока прямой угрозы нет, но кто знает, каким боком оно может повернуться.

Гвенлин наконец-то открыл глаза, одним резким движением сел и начал вращать во все стороны головой в поисках источника потенциальной опасности. Пока он спал, обстановка вокруг кардинально поменялась: во-первых, благодаря восходу ночного светила, а во-вторых, на песчаном пляже у самого уреза воды наметилось какое-то движение непонятного происхождения. Присмотревшись повнимательнее, молодой человек разглядел с дюжину движущихся по кругу полупрозрачных фигур. Гвену даже показалось, что он ощущает некую вибрацию, которую при определенном допущении можно было принять за мелодию.

– Вот повезло так повезло, – с ярко выраженным сарказмом в голосе прошептал Гвенлин, – убежали из огня, а угодили аккурат в полымя.

– Давай без излишних сентенций. Выкладывай, что это за диво дивное и какими напастьями оно для нас чревато?

– И вовсе это не диво дивное! – усердно стараясь сдержать голос на уровне шепота, возмутился явной непросвещенности товарища Гвен. – Девки водяные – русалки хороводы водят. Значит, жертву себе наметили. Кого-то из нас двоих уволочут сегодня в глубокий омут. Скорее всего меня, поскольку обычно их жертвами становятся парни примерно моего возраста. Что же нам делать?

– Не дрейфь раньше времени, паря! Пока ты дрых без задних ног, Ши-Муль-Алан-д-Тик – потомок древнейшего инфернального рода, воспользовавшись всеми своими знаниями в области защитной магии, сумел создать магический барьер. Вон ту огненную линию видишь? – поинтересовался демон и, получив положительный ответ, в полный голос продолжил: – Моя работа. Пусть только попробуют сунуться.

– И чего будет? – не решаясь последовать примеру отчаянного демона, все так же шепотом спросил Гвенлин.

– Увидишь. – Шмультик с нескрываемым превосходством посмотрел на испуганного парня. – Роги-то им сразу поотшибает. Конкретно сказать не могу, ибо это заклинание впервые будет работать против водных созданий. Поскольку всех прочих тварей оно сжигает, могу лишь предположить, что этих попросту превратит в пар.

– Ты точно уверен, Шмуль? – голос юноши явно повеселел.

– Абсолютно, можешь быть полный спок.

Демон поправил свой странный головной убор, носящий смешное название «кепон», и, не вставая со своего места, ловко отправил в костер пару толстых веток.

Окончательно осмелевший юноша начал любоваться замысловатым танцем водяных дев на берегу ночной реки и нашел его весьма презабавным.

– Пряма настоящий балет «Лебединое озеро»! – восторженно воскликнул Шмультик, также наблюдавший за пляской русалок. – Там телки точно так же гарцуют – стаю лебедей изображают, потом на берегу появляется принц, а за ним страшный колдун, который почему-то жаждет погубить парня... В общем, все завершает хеппи-энд, что означает счастливый конец, все довольны: пляшут и обнимаются, только колдуну полный и окончательный кирдык.

– У нас все с точностью до наоборот, – хмуро заметил Гвен, – колдуну кирдык, а этого, ну как его?..

– Хеппи-энда?

– ...точно, хеппи-энда твоего чего-то не видать пока.

– Не бойсь, паря, будет и на нашей улице праздник, будем и мы с тобой в хромовых сапогах на батистовые портянки щеголять в Рио-де-Жанейро и Монте-Карло, даже сказочное Сочи упадет к нашим ногам, как перезрелый плод манго...

– Эх, Шмультик, твоими бы устами да мед пить. Потом поподробнее расскажешь про эти чудные места, а пока давай-ка внимательно наблюдать за тем, что творится на берегу Арлея, а заодно дружно молить Создателя, чтобы твой магический талант не подвел нас.

Тем временем пляска полупрозрачных фигур достигла апогея. Скорость вращения русалок вокруг общего центра уже не позволяла глазу вычленить какое-то отдельное создание. Хоровод превратился в переливчатый вихрь. Так продолжалось не менее четверти часа. Неожиданно вращение прекратилось, и вихрь распался на дюжину существ, но теперь уже не полупрозрачных, а вполне материальных. Это на самом деле были двенадцать дев, обладавших совершеннейшими формами и ликами удивительной красоты. Единственной одеждой этих неземных созданий были их ниспадающие почти до самой земли волосы цвета чистейшего серебра. Девушки выстроились в нестройную шеренгу лицом к сидящим у костра путешественникам и молча принялись их разглядывать. Наконец, одна из них, отделившись от общей группы, совсем по-девичьи семеня ножками, побежала в направлении обалдевших

Гвена и Шмультика. Бывший ученик чародея хотел было крикнуть, чтобы предупредить красавицу о существовании магического барьера, но не успел. Девушка даже не заметила полыхающего зеленым огнем периметра, отгораживающего лагерь от всех напастей. Она подбежала к костру и, ничуть не стесняясь своей наготы, чистым звонким голосом обратилась к человеку и демону, успевшим к тому времени подняться на ноги:

– Человек и существо, неведомое нам, мы рады приветствовать вас на празднике Возрождения! Меня зовут Ноя, а это мои сестры. Вам вовсе не стоит нас бояться, поскольку сезон брачных игр еще не наступил и мы никого из вас не собираемся заманивать в наш водный мир.

– Шмультик, инфернальный житель, – первым опомнился демон и неловко представился, забыв от волнения свое истинное имя.

– Гвен, – назвал себя несостоявшийся ученик мага.

– Как здорово – Шмууультик, Гвееен! – сильно растягивая слова, будто пробуя имена на вкус, прошептала Ноя. – Очень жалко, что сезон брачных игр наступит лишь через два месяца. Вы могли бы стать мне и моим сестрам хорошими мужьями. Вот Шмультик, например, – девушка одарила демона таким откровенным взглядом, что жителя жаркой Преисподней прошиб озноб, какого он не ощущал даже на далекой холодной Колыме, – в тебе столько скрытого огня и еще чего-то непонятного и дикого, у нас с тобой могло бы появиться на свет чудесное потомство. А ты, Гвен, силен и прекрасен обликом, ни одна русалка не смогла бы устоять против твоего мужского обаяния... Впрочем, к величайшему сожалению, сейчас не время для любви. В эту ночь нам всего лишь нужно, чтобы один из вас достал из костра два горящих уголька и бросил их в воду. Прошу прощения за беспокойство, но обитателям водной стихии огонь противопоказан, а без него невозможно исполнить ритуал Возрождения.

– С превеликим удовольствием, несравненная мамзель! – тут же подсутился галантный демон. – Для вас хоть дюжину, хоть две, хоть в омут головой.

– Спасибо, но столько нам не нужно и бесполезные утопленники тоже ни к чему, – жеманно потупила глазки коварная искусительница. – Всего парочка угольков. Будьте любезны.

Шмультик быстро подбежал к костру, голыми руками разгреб горящие дрова и выудил из пламени парочку самых лучших, на его взгляд, угольков и, продемонстрировав их девушке, спросил:

– Такие подойдут?

– Вполне, – только и смогла произнести русалка, сраженная удачью и мастерством обращения с огнем своего новоявленного знакомого.

– Куда их бросать?

– Подойди к берегу и брось в любое место, лишь бы они упали в реку.

Демон так и сделал. Он приблизился к воде и, широко размахнувшись, отправил угольки в свободный полет. Прочертив в воздухе две огненные трассы, они одновременно упали в воду, но не зашипели и не погасли, как ожидалось, а закачались на легкой речной волне, испускающая едва заметное в свете полной луны красное свечение. Выстроившиеся на песчаном пляже сестры Нои дружно взвизгнули и затянули хором заунывную песню на каком-то неведомом языке. Через несколько мгновений в том месте, где покачивались красные огоньки, начал формироваться водяной горб. Вскоре этот горб достиг размеров трехэтажного дома. Лишь после этого рост его остановился, но процесс трансформации на этом не закончился. Прямо на глазах изумленных зрителей вспученная масса воды начала приобретать какие-то странные формы. Огромная голова с зубастой пастью, относительно тонкая шея, мощное тело, длинный вытянутый хвост, четыре когтистые лапы и пара гигантских перепончатых крыльев. Угольки, брошенные демоном в воды реки, запылали невыносимо ярким огнем, теперь это были горящие глаза монстра.

– Фантастика, – пробормотал обалдевший Гвенлин, – это же самый настоящий водяной дракон.

Успевший еще в самом начале красочного представления быстренько вернуться к костру Шмультик, не отводя зачарованного взгляда от возникшего над водной гладью монстра, спросил:

– Что за зверь этот водяной дракон? Ни разу о таком не слыхивал.

– Потом все объясню, Шмуль, а пока просто смотри и радуйся.

Тем временем сверкающее и переливающееся в лучах ночного светила полупрозрачное создание приобрело окончательный вид и, сделав первый вздох, неуверенно взмахнуло своими огромными крыльями, отчего по поверхности реки пробежала рябь. Русалки перестали петь и с радостными улыбками на лицах любовались представшим перед ними чудом. Немного освоившись в незнакомой обстановке, дракон замахал крыльями более уверенно, его грузная туша оторвалась от воды. Еще несколько мгновений, и его состоящее из воды тело, взмыв под облака, пропало из виду.

– Куда он полетел? – нарушил благоговейную тишину Гвенлин.

– Далеко-далеко, – ответила Ноя, – в другой мир, а вслед за ним туда отправятся десятки наших братьев и сестер.

С этими словами Ноя, поочередно подойдя к путешественникам, внимательно посмотрела каждому в глаза. Затем девушка, не обращая никакого внимания на магическую преграду, созданную Шмультиком, вернулась к своим сестрам и начала с ними что-то негромко обсуждать. Их дискуссия продолжалась не более минуты. Наконец русалка вновь подбежала к демону и молодому человеку и, остановившись от них в двух шагах, заговорила:

– Я должна поблагодарить вас за оказанную моему народу услугу. В настоящий момент вам угрожает очень серьезная опасность. Мы, водный народ, обладаем даром заглядывать в будущее и в качестве благодарности за ваше содействие хотим, в свою очередь, помочь вам. Слушайте же мое предсказание. – Ноя подняла глаза к небу и заговорила каким-то странным отчужденным голосом, будто находилась в состоянии транса: – Опасность минует и демон получит свободу лишь после того, как соединятся два любящих сердца и человек поднимется на недостижимую высоту.

После того как последние слова слетели с губ девушки, она подняла руки к небу и... пролилась на землю искрящимся водопадом. Сестры Нои тут же последовали ее примеру. Мгновение спустя в том месте, где только что стояли самые совершенные в мире создания, лишь темнели влажные пятна.

Обалдевшие путешественники недоуменно переглянулись. Первым пришел в себя Шмультик. Сняв с головы кепку и задумчиво почесав затылок, он изрек:

– Каких чувих упустили! Я бы за этой Ноей хоть в огонь, хоть брр... в воду. Хороши крали.

– Согласен, Шмуль. Хороши. – Юноша аж сладострастно причмокнул. – Только ответь мне на один вопрос: с каких это пор краснорожих и рогатых извращенцев на особ человеческой породы потянуло?

– Ты чего, Гвен? Какие особы человеческой породы? Это были самые натуральные демонессы, знойные, грудастые и аппетитные. А теперь угадай-ка: кто из нас извращенец?

– погоди чуток, Шмультик, – теперь зачесал затылок Гвенлин. – Значит, ты утверждаешь, что это были не девушки, а демонессы?

– А кто же, по-твоему? Неужели ты считаешь, что демону Ши-Муль-Алан-д-Тику может прийти по душе самка, принадлежащая к другой расе? Нет, это вы – люди – готовы запрыгнуть на что угодно, и можешь не спорить, посмотрелся я за семьдесят лет на вашего брата в лагерях и тюрьмах – чего только не вытворяли твои соплеменнички, дабы унять зуд в чреслах, даже вспоминать противно.

– Но-но, ты поаккуратнее всех огульно хаять! Согласен, попадаются среди людей паршивые овцы, но таких Святая Церковь быстро выявляет и сажает на кол, дабы перед смертью последний кайф словили. Однако, клянусь самим Создателем и всеми младшими богами заодно, мне твои зубастые красавицы с ошпаренной кожей без надобности...

Демон вдруг часто-часто захлопал глазами и взмахом руки сделал юноше знак, призывая замолчать.

– Не гони волну, Гвен! – воскликнул он. – Значица, мы с тобой смотрели на одно и то же, а видели абсолютно разные вещи?.. Во пала, ну и русалки! Экстрасенсорное воздействие на кору головного мозга с целью создания наиболее привлекательного для охмуряемого индивидуума образа – вот что это такое. Эх, жалко, нет фотоаппарата или мобилы с камерой, посмотрели бы, какие на самом деле эти водяные девки. Короче, приятель, нас с тобой развели, как пару лохов на Черкизовском рынке, – никаких телок не было...

– А что же было?

– Шарик, зажатый в руке, и три пустых стаканчика, в какой ни ткни – везде пустышка. Ладно, прокатили, надеюсь, сегодня эта компания в гости к нам больше не нагрянет, а завтра с утра пораньше рвем отсюда когти, и как можно быстрее.

Гвенлин непонимающим взглядом посмотрел на компаньона, но, видя, что товарищ находится, мягко говоря, не в духе, не стал спрашивать, что тот имеет в виду, упомянув о каких-то шариках и пустых стаканчиках. Он повертел головой, к чему-то присматриваясь, и, не обнаружив искомого, обратился к демону:

– Шмуль, а где Мандрагор? Его часом русалки или какие другие водяные создания не уволокли с собой в ближайший омут на племя?

– Да полно тебе! «На племя»... рассмешил до слез! Наш корешок пожрать да поспать горазд без меры, а до всего остального ему никакого дела, хоть перед ним самую расфранченную фифу поставь. Вон под той кучей сена дрыхнет. Что ему сделается? Иди-ка, паря, отдохни, до восхода еще не один сон успеешь посмотреть. А я тут за порядком пригляжу.

Гвен не заставил себя долго упрашивать и тут же отправился спать, поскольку он прекрасно понимал, что вторая бессонная ночь подряд может оказаться весьма губительной для его бесценного здоровья.

А добровольный страж зашагал к костру, недоуменно ворча себе под нос:

– Странно все-таки получается, почему охранное заклинание не сработало против водяных бестий?

Глава 6

На следующее утро Гвенлин был разбужен приятным щекотанием в носу.

«Гречневая каша на сале, заправленная пережаренными лучком и колбаской», – без- ошибочно определил он и, тут же вскочив на ноги, бегом помчался к реке, торопясь побыст- рее закончить утренние гигиенические процедуры, поскольку небезосновательно опасался, что всякое промедление с его стороны, благодаря наличию в их коллективе одного обжоры, чре- вато реальной перспективой остаться без завтрака.

За едой, по негласной договоренности, участники ночных событий ни словом не обмол- вились об этих самых событиях. Однако чуткий Мандрагор каким-то шестым чувством уловил витающую в воздухе недосказанность и, расправившись с двумя тарелками гречневой каши, обратился к спутникам:

– Ну, заговорщики, колитесь, что там у вас случилось? Нечего тут друг с другом в гля- делки играть!

Пришлось Гвену поведать любопытному корню о ночном происшествии. Может быть, при других обстоятельствах он бы проигнорировал навязчивого Мандрагора. Но странное предсказание Нои с самого первого момента его пробуждения раскаленным гвоздем сидело в голове, не давая покоя мечущимся внутри черепной коробки мыслям. Хоть юноша и не питал особых надежд на то, что сможет получить хоть какую-то помощь или толковый совет от суше- ного корня, однако его внутреннее состояние неумолимо требовало излить кому-либо все, что накопилось у него на душе.

Мандрагор оказался чрезмерно эмоциональным слушателем. Своими «охами» и «ахами» он то и дело прерывал рассказ, а когда речь зашла о водяном драконе, он вообще вскочил со своего места и забегал взад-вперед перед костром, причитая во весь свой писклявый голосок:

– Кореша называются! У них на глазах самое настоящее чудо происходит, а они даже не подумали о том, чтобы разбудить единственного своего друга! стыдно, дылды, дубины стоеро- совые! Если Мандрагор маленький, значит, его можно игнорировать? Заявляю со всей ответ- ственностью: не позволю! Да я вас...

– Брателлю, ты чего так взбеленился? – едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, поин- тересовался демон. – Тебя не растолкали посреди ночи, избавили от душевного стресса, дали спокойно выспаться. Какие после этого могут быть к нам предьявы?

– Да как вы не понимаете, – возбужденно замахал конечностями импульсивный корень, – согласно бытующим в этих местах поверьям, тот, кто хотя бы одним глазком увидит водного дракона, будет до конца жизни счастлив, удачлив и здоров! А вы, будучи свидетелями рож- дения этой твари, по причине закоренелого эгоизма не потрудились разбудить несчастного Мандрагора, чтобы тому также перепала толика благ...

– Слышь, баклан, кончай наезд! Пока мы с Гвенем разруливали ситуацию с речными девками, нам было не до тебя, а потом, когда дракон улетел, тем более. Так что быстро заткнул фонтан и успокоился!

– Не будем ссориться, друзья! – весьма своевременно Гвен осадил готовых вцепиться друг в дружку спорщиков, затем обратился непосредственно к Мандрагору: – Никто из нас ничего плохого против тебя не замышлял, а не разбудили Ваше Спящее Величество лишь потому, что было не до тебя. Признаться откровенно, мы малость перетрухнули. К счастью, оказалось, что брачный сезон у водяных только через два месяца, иначе растащили бы нас со Шмультиком по разным омутам, и поминай как звали. Проснулся бы ты сегодня, а нас-то и нет. Чего бы делал?..

На поставленный вопрос корень ничего не ответил, но по тому, как перекошило его и без того не очень приглядную физиономию, несложно было догадаться, что перспектива очутиться одному посреди чиста поля Мандрагора совершенно не вдохновляла.

– Поэтому кончай выступать не по делу, – продолжал Гвенлин, – лучше растолкуй, если можешь, конечно, некоторые непонятные моменты: что это за дракон водный и что означает мудреное предсказание – все-таки ты побольше моего со старым Моргеланом бок о бок прожил.

Расценив слова юноши как факт признания своего превосходства в делах, связанных с магией, Мандрагор приосанился и, стараясь придать своему писклявому голосочку побольше солидности, заговорил:

– Водные драконы, да будет вам известно, друзья мои, есть волшебные существа сродни вашему покорному слуге, то есть мне...

– Тоже мне, дракон выискался, – тихонько прокомментировал последнее высказывание корня Шмультик.

На его счастье, специалист в магии то ли не услышал едкого замечания, то ли не посчитал нужным из-за мелкой подковырки завистливого злопыхателя затевать очередную свару со своенравным демоном. Так или иначе, Мандрагор не моргнув глазом продолжал:

– Раз в двенадцать лет вся водяная нечисть собирается в определенных местах и устраивает праздник Возрождения. Никто не знает, что символизирует и чему посвящено это празднество. Известно лишь, что оканчивается оно всегда одним и тем же – водяная братва выпускает на волю очередного водного дракона. Если кому-то из разумных существ случится увидеть это чудо, считай, ему крупно повезло – здоровье, богатство и прочие блага обеспечены ему до самого конца жизни. По поводу предсказания водной девки я бы на вашем месте не особо обольщался – мало ли чего бабы наплетут. Если всему верить... – Не в силах выразить с помощью слов, что же все-таки случится с тем, кто поверит женщине на слово, магический корень замолчал, задумчиво уставившись на догорающие в костре угольки. – Хотя бес поймет этих русалок, поговаривают, что они все-таки иногда могут предсказывать будущее. Как сказала эта Ноя? «Опасность минует и демон получит свободу лишь после того, как соединятся два любящих сердца и человек поднимется на недостижимую высоту». На мой взгляд, полная белиберда. Поскольку, как я понимаю, человек в данном случае – наш Гвенчик. Тогда ответьте мне: на какую такую высоту он может подняться и при чем здесь два любящих сердца?

– Сразу видно, хрен корявый, ограниченная ты личность, – укоризненно покачав головой из стороны в сторону, произнес демон. – И где же ты видел, чтобы предсказание имело конкретный смысл; мол, сходи туда-то и сделай то-то, а в результате будет тебе счастье по полной программе. Предсказание тем и отличается от инструкции по пользованию унитазом, что тот, кого оно касается, должен сам своей мудрой башкой постигнуть его смысл. Гвен, напряги мозги и попытайся понять, что имела в виду русалка.

– К сожалению, ничего умного в голову не приходит, – после минутных размышлений смущенно развел руками Гвен. – Действительно, какая-то белиберда получается: два любящих сердца, недостижимая высота, опасность минует...

– Стой, паря! – демон бесцеремонно перебил упавшего духом юношу. – С таким скептическим подходом к проблеме у нас и на самом деле ничего не получится. Коли не выходит у Гвенлина, давайте устроим мозговой шторм и все дружно справимся с ней. – Возражений не последовало, и окрыленный Шмультик продолжил: – Для начала обозначим степень грозящей Гвену опасности. Ответьте мне кто-нибудь, насколько разнится влияние Гильдии Магов на территории Рангутского Торгового Союза и, например, королевства Ингерланд?

– Взаимоотношения магов с торгашами Рангута и спесивым дворянством Ингерланда или какого другого монархического государства отличаются как небо и земля, – начал объяснять Гвенлин. – В Рангутском Союзе имеет место тесное обоюдовыгодное сотрудничество чародей-

ского сословия с местным купечеством. Отсюда весьма строгие законы, защищающие права представителей Гильдии. В Ингерланде, как, в общем-то, и в любой другой монархии, местная знать хоть и пользуется охотно услугами чародеев, но представители высших слоев общества поглядывают на магов свысока, как на самых обыкновенных простолюдинов. Открыто своего пренебрежения они, конечно же, не выражают, поскольку законы в отношении обидчиков членов Гильдии там столь же суровы, как в Рангуте, и за убийство мага даже сиятельному герцогу могут запросто оттяпать голову. Единственные, кто в этом плане неподсуден, это члены королевской семьи. Они сами себе закон и плевали с высокой колокольни на всякие Гильдии Магов...

– погоди, паря! – заорал во всю свою луженую глотку Шмультик. – Будь другом, повтори, что ты только что сказал.

– Члены королевской семьи плевали с высокой колокольни на всех, вместе взятых, гильдейских, поскольку при дворе каждого уважающего себя монарха пасется целая банда независимых чародеев, готовых дать отпор любым инсинуациям, направленным против их кормильца. История знает множество войн, спровоцированных Гильдией против неугодных ей монархов, но все они хоть и заканчивались в конце концов полной ее победой, являлись, по сути, катастрофой, как для побежденных, так и для победителей, поскольку жертвы с обеих сторон были неоправданно огромными...

– Стоп, Гвен, пока достаточно! – Демон весь расплылся от радости, будто только что получил долгожданную весточку из родной Преисподней от любимых мамочки и папочки. – Мне кажется, что я понял смысл предсказания.

– Ну и в чем же заключается этот смысл? – с изрядной долей издевки пропищал Мандрагор.

– А ты не язви и прикрой свое хавло, сорняк говорливый!

– Это кто это у нас, разрешите поинтересоваться, сорняк? – Корень вскочил со своего насиженного места и рванул в направлении ухмыляющейся фиксатой физиономии.

Каким геройским подвигом решило свести счеты с жизнью непокорное растение, история так и не узнает, поскольку на полпути оно было перехвачено ловкой рукой Гвенлина.

– Все, прекратить взаимные пререкания и оскорбления! – громко объявил во всеуслышание юноша. – Первый, кто организует провокацию в отношении кого-либо из членов нашего братства, будет иметь дело со мной, а точнее, с моим кулаком. Желающие имеются? – Желающих не нашлось, и малость поостывший Гвен кивнул Шмультику. – Говори, Шмуль, что ты понял из предсказания Нои.

– А то, паря, что тебе нужно самому стать каким-нибудь королем или, по крайней мере, его зятем. Тогда ты уж точно окажешься вне досягаемости того ущербного морально-правового беспредела, согласно которому тебя в любой момент могут подвесить за шею или полоснуть по ней топориком. Короче, подыскиваем тебе достойную кандидатуру – и под венец, или как там у вас происходит торжественная сдача в патриархальное рабство особ женского пола, достигших половозрелого возраста. Ты женишься на молоденькой цыпочке голубых кровей и запа nibрата именуешь короля папенькой, а тот тебя, соответственно, любимым сыночком. Можно, конечно, замахнуть на вдовствующую императрицу или королеву, но я тебе по-дружески не советую этого делать, все вдовы – существа достаточно консервативные, ищут именно такого кандидата, чтобы как две капли воды походил на их покойного супруга, даже в том случае, если они грызлись с ним, как кошка с собакой. Впрочем, тебе решать – как скажешь, так и будет. Главное, после того как потомок древнейшего inferнального рода Ши-Муль-Алан-д-Тик посодействует законному браку своего друга Гвенлина, он получит долгожданную свободу и наконец-то, спустя семьдесят с лишним лет, воссоединится со своей многочисленной родней. О хоум, май свит хоум, как я по тебе соскучился!

– Ты чего, все это серьезно удумал? – только и мог сказать Гвенлин после пятиминутного осмысления полученной от хитроумного демона информации.

– Серьезнее не бывает, мой дорогой друг, ибо женить тебя на какой-нибудь царской дочке – единственный способ спасти твою молодую задницу.

– А что? Идея, на мой взгляд, весьма неплохая. – Магический корень соскочил с дорожного мешка, на который был посажен Гвенном, и забегал от волнения взад-вперед. – Ты, Гвенчик, становишься монаршей особой, зубастого отправляем в Преисподнюю, а я, твой лучший друг, занимаю пост главного советника и смотрителя королевской сокровищницы и кухни.

Шмультик на эти слова Мандрагора отреагировал ехидным смешком и, невзирая на предупреждение Гвена, не удержался от провокационного замечания в адрес амбициозного карьериста:

– Не нужно к бабке-гадалке ходить, чтобы узнать, зачем тебе кухня, но я никак не могу взять в толк, на кой хрен тебе понадобилось становиться еще и смотрителем сокровищницы?

– И не поймешь, по причине врожденной ограниченности, – огрызнулся корень, но все-таки снизошел до ответа на поставленный вопрос: – Для престижу, глупый демон. Кто станет кланяться смотрителю кухни? А перед главным финансистом государства всяк готов в пыли изваляться, даже не корысти ради, а просто так, на всякий случай.

– А ты, оказывается, непрост, корешок, ох как непрост! – похвалил Мандрагора демон. – Далеко пойдешь.

– То-то, знай наших! – напыжился от гордости будущий министр финансов.

– Чего-то вы, ребята, уж больно размечтались, – поднимаясь со своего места, обратился к приятелям Гвенлин. – Женили меня непонятно на ком. Самые лакомые должности позанимали. Ладно, давайте побыстрее собираться, топать нам до ближайшего брода четыре версты, и еще не менее десяти до ингерландской границы. Что касается твоего предложения, Шмульт, даю обещание хорошенько его обмозговать.

Сборы незамысловатого походного скарба много времени у наших путешественников не заняли. Через четверть часа они уже топали по заливному лугу вверх по течению реки, все дальше и дальше от места встречи с загадочными обитателями водной стихии. Конечно же, топали, как всегда, двое – третий сидел на плече у Гвенлина и витал в облаках радужных мечтаний, мысленно представляя себя то в роли смотрителя королевской кухни, то главным хранителем государственной казны.

Несмотря на тревоги минувшей ночи, идти было легко и приятно. Вид бездонного купола небесной сини над головой и бескрайнего изумрудного пространства под ногами вызывал в душе Гвенлина обманчивое ощущение полной свободы. Будто бы на всем белом свете существует лишь небо, земля, река, эта троица таких странных, непохожих друг на друга существ и ничего более. Будто они так и будут до конца дней своих спокойно идти куда-то, вдыхая полной грудью свежий, пропитанный свободой воздух, наслаждаясь ласкающими слух трелями луговых птиц и лягушачьим кваканьем. Однако это счастливое состояние, очень похожее на транс, продолжалось недолго. Перед внутренним взором юноши вдруг возникло искаженное ненавистью и злобой лицо бывшего учителя из сна, предшествовавшего его ночному пробуждению. Гвен энергично встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, поправил лямки своего заплечного мешка и обратился мыслями к реалиям жизни, а в частности к сомнительному предложению Шмультика, которое с каждым шагом, отдалявшим его от прошлой жизни, начинало казаться молодому человеку все менее и менее сомнительным...

Как и обещал Гвен, к обеду весьма прозрачная граница между королевством Ингерланд и Рангутским Торговым Союзом была успешно преодолена нашими путешественниками. Впрочем, определение «граница», по мнению вечно чем-то недовольного Шмультика, никак не подходило для едва заметного, поросшего травой и бурьяном рва, вырытого давным-давно по приказу какого-то чересчур мнительного монарха с целью конкретизации местоположения этой

самой границы. Его беззаботные наследники ради экономии денежных средств решили похерить патриотическое начинание предка, разумно полагая: охраняй не охраняй, кому нужно, все равно пролезет. В свою очередь, торгаши Рангутского Союза никогда и помыслить не могли о том, что государственную границу на всем ее протяжении необходимо от кого-то защищать (понимай: бесполезно разбазаривать денежки). Поэтому к моменту нашего повествования вся пограничная служба двух сопредельных государств ограничивалась пунктами таможенного досмотра, которые ушлые купцы и прочий народишко, осуществляющий взаимовыгодные торговые отношения, вполне успешно объезжали окольными путями, не платя в казну ни того, ни другого государства ни единого медного гроша.

– Да разве это граница? – издевательски продолжал куражиться демон. – Где контрольно-следовая полоса? Где столбы с натянутой колючей проволокой? Где сами лихие погранцы, и чем же, в конце концов, здесь занимается народ двадцать восьмого мая, когда улицы всех городов, городишек и даже деревень должны запруживать толпы пьяных разновозрастных парней в зеленых фуражках? Скукота!

– Не о том ты толкуешь, Шмуль, – резонно заметил Гвенлин. – Если бы, как ты говоришь, улицы городов запруживали стражники, значит, их было бы много. А если бы их было много, тогда мы не смогли бы так просто пересечь границу. Не так ли?

– Да согласен я, согласен! Ты, Гвен, не обращай на меня внимания – это я так, порядка ради ворчу. В одной песне поется: «У широких берегов Амура часовые Родины стоят». Для чего стоят, не знаешь? А для того, чтобы самураи не перешли границу у реки. А здесь не то что отдельно взятый самурай, целая самурайская армия через границу пропрет буром, и никто этого не заметит, тогда прощай независимость и суверенитет.

– Не получится, Шмуль, – поспешил опровергнуть пессимистический прогноз демона начитанный Гвенлин. – Пока армия вторжения соберется под знамена полководца, все окрестные соседи об этом узнают и успеют предпринять превентивные меры. К тому же еще до того, как этот полководец отдаст приказ о мобилизации, его штабные офицеры растревожат об этом во всех кабаках и публичных домах, мол, какие мы герои, скоро наши копья и мечи напыются вражьей кровушки. Поэтому не переживай, мой беспокойный Шмуль, – никакой самурай границу по-тихому ни у реки, ни в другом каком месте никогда пересечь не сможет, поскольку он очень шумный.

– Да ну тебя с твоими несокрушимыми логическими построениями. Тебе про Фому, а ты про Ерему. Я всего лишь за то, чтобы государственная граница была похожа именно на государственную границу, а не на заросший бурьяном противотанковый ров времен Второй мировой войны, – обиделся демон и некоторое время протопал молча, изредка бросая недоуменные взгляды на откровенно дрыхнущего магического корня. Наконец он не выдержал и, подойдя поближе к спящему, тихонько произнес: – Кто спит... – а затем что есть мочи гаркнул, как, бывало, орал на своих занятиях лагерный политрук: – Встать!

Бедный Мандрагор от такой неслыханной провокации едва не покатился кубарем с плеча своего добровольного носильщика.

– Ну ты и гад, демоническая харя, настоящее исчадие ада! – обиделся корень.

– А ты не спи в походе! – весело оскалился Шмультик. – Мало ли какая опасность может подкрасться к нам сзади.

Благодаря своевременному вмешательству Гвенлина очередной конфликт между Мандрагором и коварным демоном не перерос в откровенный мордобой. На этот раз юноша, признав правоту слов демона, сделал своему наезднику внушение:

– Шмуль в данном случае прав. Спать тебе, корень, нужно поменьше. Потеряешься по дороге, где тебя потом искать? Голосок у тебя не ахти какой громкий – не докричишься. Пропадешь без нас один в лесу. – Запугав до смерти любителя поспать на ходу, Гвен вдруг ни с того, ни с сего задал ему вопрос: – Мандрагор, почему после приема пищи ты продолжаешь

оставаться все таким же легким, как до него? Вот, например, за завтраком ты умял две тарелки каши, в кустики не отлучался, значит, по логике вещей ты должен потяжелеть именно на эти две тарелки, я уж и не вспоминаю про твой вчерашний ужин.

Оскорбленный до самой глубины своей чувствительной натуры магический корень хотел тут же вскипеть в праведном гневе, поскольку по собственному опыту знал, что лучшая защита – нападение. Но, взглянув в ясные очи юноши, понял, что его никто не желает как-то зацепить или обидеть. Также он понял, что Гвену вовсе не из жадности, а из чистого любопытства хочется знать, куда пропадает еда.

– Об этом тебе лучше было бы спросить у моего создателя Моргелана – меня он в магические тонкости своего ремесла никогда не посвящал, но поскольку старый колдун больше никому ничего и никогда рассказать не сможет, давай отнесем этот феномен к разряду необъяснимых и забудем о нем.

– Ну что же, – разочарованно пробубнил Гвенлин, – замечано, пусть будет необъяснимый феномен...

После удачной операции по пересечению границы наша троица вышла к лесу и двинула в глубь королевства Ингерланд по тропинке, петляющей между вековыми дубами, буками и грабами. Путешественники уже собирались остановиться на обеденный привал, поскольку солнце незаметно перевалило точку зенита, и даже под кронами деревьев стояла невыносимая духотища, однако густая чаща резко оборвалась, и лесная тропинка уперлась в мощный булыжником широкий тракт. Именно здесь, в тени раскидистого платана, было принято коллегиальное решение переждать полуденную жару, а заодно и подкрепиться...

Вслед за тем, как пара караваев, а с ними увесистый ломоть колбасы, четверть головки сыра вперемешку с луком, чесноком и сорванными по дороге плодами дикорастущих груш и абрикосов были буквально сметены проголодавшимися путниками, Гвен и Мандрагор решили немного вздремнуть. Очередная вахта по обеспечению покоя отдыхающих, как обычно, досталась демону, который по этому поводу с философским видом процитировал старинную лагерную поговорку:

– Кто не курит, тому тачки толкать.

Однако на сей раз желающим побаловать себя послеобеденным отдыхом не удалось сомкнуть глаз, поскольку где-то неподалеку раздалось лошадиное ржание, затем цоканье подкованных копыт и неровный стук деревянных колес по дорожному покрытию. Вскоре из-за поворота показалась груженная доверху сеном телега, которую с превеликим трудом тянули два здоровенных битюга рыжей масти. Рядом с транспортным средством вышагивал невысокий бородатый мужчина лет за сорок. Время от времени он охаживал лошадок вожжами по бокам и спинам без обычных в этом случае громких комментариев по поводу тех или иных особенностей характера и прочих недостатков своих саврасок.

– Странный какой-то мужичонка! – удивленно воскликнул Гвенлин. – Немой, что ли? Лошадки явно подустали или сачкуют от жары. Да сейчас на весь лес должен стоять его матперемат! К тому же стожок сена почему-то необычайно много весит. Такой обычно с легкостью тянет одна дохлая лошадка, а тут два тяжеловоза еле ноги волокут от усталости. Что-то здесь не так, друзья мои, надо бы проверить, что за тип, а заодно порасспросить о житье-бытье местного люда.

– Отлично, вот этим я сейчас и займусь, – плотоядно ухмыльнулся демон. Затем он вскочил на ноги, неспешной походкой вышел на середину тракта и остановился, терпеливо ожидая, когда телега подъедет поближе.

Завидев незнакомца явно сомнительной наружности, да еще и одетого в невиданное в этих местах платье, мужчина натянул вожжи, а когда лошадки остановились, сам встал столбом, размышляя, чего ожидать от непонятно откуда взявшегося типа.

– Будь здоров, батя! – приветливо ощерился Шмультик. – Как дела? Откуда, вестимо? Погодка вроде бы ничего.

Покончив с приветственными формальностями, демон, не обращая внимания на обалдевшего возницу, направился напрямик к телеге, бесцеремонно запустил руку в стог и, что-то нащупав в его недрах, громко воскликнул:

– Ба!.. С покоса едем, сена нет, дрова везем! Откуда бревна, отец, и по какой причине маскируемся, будто партизаны из отряда легендарного Ковпака? – Затем, подойдя к мужику почти вплотную, доверительным полупшепотом поинтересовался: – А может быть, мы дровишки-то попросту тырим из барского леса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.